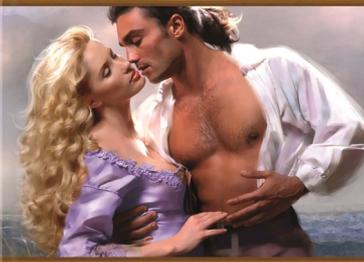

Лорен Хит

Соблазнить негодяя

СОБЛАЗН И ГРЕХ

18+

Кино
Классика

Соблазн и грех

Лорен Хит

Соблазнить негодяя

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Хит Л.

Соблазнить негодяя / Л. Хит — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010 — (Соблазн и грех)

Он – герой войны, известный сердцеед и соблазнитель. Она – прекрасная незнакомка, возникшая однажды на пороге его дома. Ребенок на ее руках – его сын?.. Однако Стивен ее совершенно не помнит! В ней есть какая-то загадка... и его непреодолимо влечет к этой женщине. Что же будет, когда все тайны раскроются?

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Хит Л., 2010
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лорен Хит

Соблазнить негодяя

*Патти, Линн, Патти, Кэти, Кэрол, Конни, Линде, Нэнси А.,
Нэнси Д. и Мэрили*

*Бессонные ночевки в гостях; полуночные прогулки безо всякого
страха; шатание по тихим улочкам Эглтона; школьные балы
без партнера; спортивные группы поддержки; долгие вечера на
пляже; футбол под дождем; баскетбольный турнир между женскими
командами в выпускном классе; часовые телефонные разговоры в
любое время суток; девчачий американский футбол; Бобби Шерман;
«Манкиз»; восторг первых поцелуев, первых романов и первой любви;
боль расставаний; чудо настоящей любви; мечты о том, что с нами
будет...*

Посвящается тем, кем мы были

© Jan Nowasky, 2010

© Jon Paul, обложка, 2014

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2014

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или
воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию: Heath L. Pleasures of a Notorious Gentleman: A
Novel / Lorraine Heath. – New York: Avon, 2010.

Пролог

Апрель 1854 года

Стивен Лайонс любил женщин. Высоких и низких, полных и стройных, молодых и не очень. Он любил их всех, а больше всего ту, которая в данную минуту составляла ему компанию.

Ее он в шутку называл Чудо, потому что она была чудесным созданием. Внебрачная дочь герцога, она намеревалась пойти по стопам матери и подыскать себе покровителя. Хотя у нее не вызывало сомнений, что в этом качестве он ей никак не подойдет, у него была настолько дурная слава, что можно было не сомневаться: полученные у него уроки удовольствия пригодятся в жизни. Недели тайных свиданий не прошли даром. Теперь она стала обладательницей умелых рук и сладострастного ротика, способных обеспечить мужчине приятную ночь до самого утра.

– Мне будет ужасно вас не хватать, – сказала она, рассыпав черные как смоль волосы по подушке и томно раскинувшись на смятой постели в скромной маленькой комнате таверны, где присоединилась к нему вчера вечером.

– Еще до наступления ночи вы будете согревать постель другого джентльмена, – рассеянно промолвил он, застегивая у окна свой алый мундир.

Он немного удивился, что его не расстроило ее молчание, подтвердившее истину: они друг для друга – не более чем средство приятно провести ночь. Он никогда не обещал женщине больше, чем мог дать, ни одну не уложил в постель, не втолковав предварительно, что за стенами спальни она не будет иметь на него никаких прав.

Он был благодарен Чуду за то, что она не поднимала шума и не устраивала сцен, за то, что уже поняла: в ее жизни его больше не будет. Близилась перемена, и он ждал их с нетерпением.

От мыслей о приключениях, которые ждут его за дверью этой комнаты, сердце Стивена трепетало, а по всему телу теплой волной разливалась радость. С высоты второго этажа ему были видны толпы людей на улице, он слышал голоса, громко распеваящие «Милая, что дома ждет меня» в сопровождении полкового оркестра. Казалось, с первыми лучами солнца город охватило возбуждение. Солдаты маршировали не в ногу, но никто из офицеров не обращал на это внимания. Да и можно ли было винить за волнение тех, кто шел на вокзал, с которого начиналась дорога в далекий Крым? Их ждали приключения, слава и русские женщины. Стивен не мог больше задерживаться. Ему уже давно надо было присоединиться к колонне.

Он наклонился над кроватью и припал в долгом поцелуе к ароматным устам Чуда, к пухлым губкам, которые умели доставить мужчине невероятное наслаждение. Отстранившись, лукаво улыбнулся:

– Спасибо, дорогая, за такое чудесное прощание.

– Будьте осторожны. Когда вы вернетесь, я...

Он прижал палец к ее губам, не давая произнести обещание, которое не суждено сдерживать.

– Приберегите преданность для своего покровителя. Когда я уеду, время, проведенное с вами, останется в прошлом. Я никогда не забуду вас, Чудо, и не забуду, как весело нам было вместе.

– Я не сомневаюсь, что вы говорите это каждой леди.

Он не стал возражать. Это был драгоценнейший из подарков, которые он преподносил каждой даме сердца, – вера в то, что именно о ней он будет вспоминать, когда дьявол призовет его к ответу за грехи.

Она подняла руку и приложила ладонь к его груди.

– В моих снах наши шалости будут продолжаться.

Он одарил ее своей самой неотразимой улыбкой.

– В моих тоже.

Потом он еще раз ее поцеловал, выскочил за дверь, сбежал по лестнице и ворвался в толпу людей, ликующих так, словно Британия только что одержала победу над Россией, а не совсем недавно объявила ей войну. Полк уже довольно давно готовился к отправке. Множество новобранцев, еще не утративших задора и свежести лиц, не сомневались, что кампания будет стремительной и окончится победой.

– Капитан! – окликнул его один из молодых людей.

– Мазерс! – Широким, уверенным шагом Стивен подошел к рослому молодому мужчине.

Зеваки, стоявшие по обе стороны улицы, дружно грянули новую песню, умудряясь при этом смеяться и одновременно хлопать в ладоши и махать марширующим, причем все это с воодушевлением, внушающим задор и уверенность. Рядом бежали мальчишки, мечтавшие о том дне, когда сами смогут пройти маршем по улице. Мужчины хлопали военных по плечам и жали им руки. Женщины посылали воздушные поцелуи.

Ах, когда они вернутся с победой, двери многих спален откроются для героев. Не сказать, что Стивену чего-то такого не хватало, но, конечно же, ореол славы и рассказы о ратных подвигах придадут особенную остроту любому флирту и даже самых робких дев заставят раскрыть объятия.

– Я уж испугался, что у вас не получится прийти, капитан, – перекрикивая шум, сказал Мазерс.

– Что?! И позволить тебе одному задать взбучку русским? Да ни за что!

Раскатистый хохот Мазерса мог бы посоперничать с грохотом любой канонады. Этот рослый, мускулистый парень долгое время тянул лямку в поле, пока не сменил плуг на ружье. Стивен испытывал радость оттого, что Мазерс и такие же, как он, будут окружать его в последующие месяцы, когда они столкнутся с тем, что ждет их в Крыму.

– Стивен!

Знакомый женский голос тут же вызвал в нем желание, и оно пробежало по телу сладкой дрожью. Оставив Мазерса, он пробился сквозь возбужденную толпу к зеленоглазой красавице шатенке, которая махала ему платочком. Заключив ее в объятия, он впился губами в ее восхитительные уста, после чего затащил ее в тень между двумя зданиями.

– Леди Гвендолин! Не думал, что увижу вас здесь сегодня.

Она учащенно дышала, как бывало много раз в его постели. Ее раскрасневшиеся щеки вызвали воспоминания о тех ночах страсти, которые они провели вместе.

– Я хотела отдать вам это. На нем запах моих духов.

Он поднес к носу шелковый платочек, который она вложила ему в руку, и в упоении закрыл глаза.

– Теперь рай всегда будет у меня под рукой.

Улыбнувшись, она поднялась на цыпочки и быстро поцеловала его. Времени у него было мало, и они оба это знали.

– Пожалуйста, будьте осторожны! – взмолилась она.

– Когда меня будет ждать такая красавица, могу ли я забыть об осторожности? – Они снова поцеловались, и он, оставив ее со слезами на глазах, стал пробираться сквозь толпу к своему марширующему отряду.

Будущим солдатам полагалось быть не только дисциплинированными, но и свирепыми, но они беззаботно улыбались, как будто шли на вечеринку. Вид новобранцы имели не слишком грозный – но ничего, это еще придет и поможет им одержать победу, причем быстро.

Он услышал еще один женский голос, выкрикивавший его имя. Кэтрин – Кэт – энергично махала ему рукой с другой стороны улицы. Он какое-то время лавировал между идущими солдатами, не упуская ее из виду, пока она протискивалась между стоящими на тротуаре зеваками, и наконец они встретились. Он обхватил ее обеими руками, прижал к себе, защищая от толчков окружающих людей, и страстно поцеловал, зная, что ее отец, увидев их сейчас, взорвался бы от гнева. Ему в ней нравились веселый нрав и любовь к приключениям, и он подозревал, что, если бы это было позволено, она сейчас маршировала бы вместе с ними.

– В медальоне прядь моих волос, – сказала Кэт.

Он сомкнул пальцы на подарке – медальоне в форме сердечка на золотой цепочке.

– Значит, каждую ночь вы будете рядом со мной.

– Пожалуйста, возвращайтесь поскорее!

– Зная, что вы меня ждете, я не задержусь ни минуты дольше, чем это необходимо.

Одарив ее на прощание еще одним поцелуем, он снова влился в поток солдат, который тут же подхватил его и унес прочь. Ничто не могло остановить эту стремительную реку, куда бы она ни потекла, какую бы разруху ни сеяла на своем пути, сколько бы горя ни принесла. Но никто не думал о том, что предстоит. Все мысли были сосредоточены на наградах, которые получают победители, когда все закончится, на восславлении и орденах, которых они будут удостоены за усердную службу отчизне и любимой королеве.

Сутолока сопровождала их до вокзала.

– Ребята, всегда держите пушки наготове! – крикнул кто-то, и все загоготали.

– Только намекни! – крикнул кто-то в ответ.

Армия получала огромную поддержку. Поначалу, когда Виктория только села на трон, солдат задействовали лишь время от времени в небольших стычках, но на этот раз все было по-другому. В тот самый день, когда была объявлена война, а случилось это 27 марта, нация стала сплоченной, чего не было с тех пор, когда Англии грозил Наполеон. В скорой победе не сомневался никто. Народ ликовал. Оставалось только дожидаться, когда английские воюки как следует проучат заносчивых русских и вернуться домой, где их будут ждать жаркие каминные и горячие женщины.

– Стивен!

Услышав этот повелительный окрик своего младшего брата, герцога Айнсли, Стивен быстро развернулся. Чем можно объяснить, что в свои двадцать два Айнсли производил впечатление куда более сильного и властного человека, чем Стивен? Быть может, дело было в том, что Стивен всегда предпочитал ответственности игру, в то время как Айнсли решительно подхватил бразды после смерти отца. И держал он их всегда уверенной и твердой рукой, чего не хватало большинству мужчин, и не только его ровесникам, но и тем, кто вдвое старше.

Стивен не думал, что родные придут провожать его, но ошибся. Все были в сборе. Мать, нынешняя герцогиня Айнсли, еще не получившая наследства, поскольку ее младший сын до сих пор не был женат. Старший брат, граф Вестклифф, с женой, прелестной Клэр. Она была единственной женщиной кроме матери, которую Стивен по-настоящему любил. Он был готов на все, лишь бы она была счастлива. Не сразу он смирился с тем, что чести обладать ею удостоился не он, а брат (что было вообще-то правильно, учитывая все сказанное и сделанное). С тех пор она была для Стивена скорее сестрой, уж никак не любовницей, но в его сердце для нее всегда оставался уголок.

– Неужели в такую безбожную рань у вас нет дел поинтереснее, чем толкаться в этой сумасшедшей толпе? – легкомысленно бросил Стивен.

За свою жизнь он частенько заставлял их волноваться и теперь хотел, чтобы его отъезд казался им событием малозначащим. Он и сам гнал мысли о том, что все может оказаться гораздо сложнее и опаснее, чем представлялось.

Не успел он договорить, как оказался в объятиях матери.

– Из-за тебя у меня седин прибавится, – кротко упрекнула она его.

Она приписывала его выходкам каждый седой волосок, отливавший серебром в ее черных волосах. Но в свои сорок пять она могла похвастать весьма недурной фигурой. Ей было шестнадцать, когда она вышла за первого мужа, седьмого графа Вестклиффа. В браке, который длился до его смерти, она подарила ему двух сыновей: Моргана, нынешнего графа, и Стивена. Впрочем, братья были совсем не похожи. Если темноволосый Вестклифф обычно был мрачен, то Стивен, с его белокурыми волосами и открытым лицом, казался весельчаком, которому все нипочем. В его понимании жить надо было широко, наслаждаясь каждым днем и не боясь нового. Именно этого его семья всегда ждала от него, так что он был убежден, что жить нужно так, как от тебя ждут.

Герцогиня отстранилась и окинула сына внимательным взглядом. Ее карие глаза встретились с голубыми глазами Стивена.

– Тебе незачем ехать. У меня есть связи в очень высоких инстанциях.

Он в этом не сомневался. Ее второй муж, восьмой герцог Айнсли, был могущественным человеком, и она, разумеется, постаралась сделать так, чтобы получить определенную долю его власти. Да и кто осудил бы ее за это? Первый муж оставил ее почти нищей. Она сделала все возможное, чтобы никогда больше не оказываться в безвыходном положении.

– Меня упрекали в отсутствии характера, – протянул он. Стивен не винил свою семью или кого-либо еще за это, а также за то, что никто так и не разглядел, что творится под его внешней оболочкой. В конце концов, оболочка была очень даже привлекательной. К тому же и он сам ничего не воспринимал всерьез. – Нет лучше способа им обзавестись, чем разбить парочку русских отрядов.

– Но Вестклифф уже простил тебя за ту шалость! – Она повернулась к старшему сыну. – Ведь простил?

«Шалость», как выразилась мать, заключалась в том, что его застучали в постели с женой Вестклиффа, Клэр. Брат холодно кивнул. Стивен не удержался от улыбки.

– Я надеюсь, прощение святого Петра искреннее, иначе мне ни за что не пройти через Жемчужные врата.

Вестклифф рассмеялся. Теперь, после примирения с Клэр, он стал гораздо чаще замечать смешную сторону вещей.

– Тебя в раю ждут не больше, чем меня.

Клэр с сердитым видом посмотрела на него и игриво хлопнула его по руке. Радовало то, что теперь рядом с мужем она чувствует себя так непринужденно. Было время, когда он вселял в нее ужас. Отойдя от Вестклиффа, она обняла Стивена.

– Конечно же он простил тебя, и ты непременно попадешь в рай.

На этот счет у него имелись серьезные сомнения. Стивен был не прочь закалить характер, но в его планы не входило прекращать грешить. И все же он крепко обнял ее. Когда она наконец разомкнула объятия, Стивен протянул руку Вестклиффу:

– Не держи на меня зла.

Вестклифф схватил его за руку, притянул к себе, обнял второй рукой и похлопал по спине.

– Постарайся, чтобы тебя не убили.

– И не надейся!

Остался только Айнсли. Младший брат, который так и не смирился с этой ролью. Иногда он выглядел даже старше, чем Вестклифф. Не внешне, а отношением к жизни. Он всегда был слишком ответственным.

– Береги себя, малыш, – сказал Айнсли.

– Проклятие! Ненавижу, когда ты меня так называешь.

Такое обращение всегда заставляло его чувствовать себя самым младшим, чего, как он догадывался, и добивался Айнсли. Он постоянно убеждал Стивена в том, что ему нужно повзрослеть. Со временем это стало ему надоедать, тем более что Стивен собирался продолжать жить в свое удовольствие и не планировал в обозримом будущем менять свои привычки.

Айнсли кивнул, давая понять, что как раз поэтому он использовал такое обращение, сжал руку Стивена и крепко хлопнул его по спине.

– Возвращайся, как только появится возможность.

– Об этом можешь не волноваться. Мы с тобой еще успеем фазанов пострелять в этом сезоне.

Раздался истошный гудок паровоза.

– Мне пора. – Он еще раз быстро обнял мать и бросился к поезду, который повезет его навстречу судьбе.

Глава 1

Нортгемптоншир, Ноябрь 1855 года

Мерси Доусон думала, что готова к тому, чтобы испытать стыд.

Она ошибалась.

Это чувство обрушилось на нее с такой силой, что она почти жалела о своем решении вернуться в Англию. Мерси не раз слышала, что любовь слепа и способна даже самого умного человека превратить в глупца. Очевидно, она не была исключением. Любовь – столь глубокая и всеохватывающая, что могла в самый неожиданный миг переполнить чувствами и заставить расплакаться, – привела ее сюда... Привела, может, и любовь, а вот привезла отцовская карета.

Несмотря на убежденность в правильности сделанного выбора, для нее стало неожиданным, что оказалось так чертовски трудно с высоко поднятой головой выдержать взгляд герцога Айнсли. Черные волосы и резкие черты лица делали его не похожим на единокровного брата, Стивена Лайонса. Хоть Айнсли был младшим из трех братьев, он нес мантию ответственности, и нес ее так, будто это была его вторая кожа. Он понимал значимость своего титула и производил впечатление человека, с которым не стоит говорить о пустяках или шутить. Блестящими зелеными глазами, в которых читался острый и расчетливый ум, он внимательно рассматривал ее, как будто только что приколот на доску для насекомых, и после тщательного изучения пришел к выводу, что она мало чем отличается от какой-нибудь мухи.

По-видимому, он усомнился в правдивости невероятной истории, только что изложенной ее отцом.

Она первая отвела взгляд, сделала вид, что рассматривает обстановку комнаты. Находились они в передней гостиной Грантвуд Мэнора, загородного имения Айнсли. В комнате, которая размером едва ли уступала дому отца, имелось несколько мест для отдыха. В обивке мебели преобладали белый, желтый и оранжевый цвета, придававшие помещению довольно жизнерадостный вид, что в иных обстоятельствах было бы для Мерси приятно и даже, возможно, заставило бы ее улыбнуться. Ей подумалось, что и в самый морозный зимний день в этих стенах можно согреться душой. Она сидела на самом ближнем к массивному камину диване, и все же тепла извивающихся языков пламени не хватало, чтобы прогнать холод, накопившийся в ее теле за время поездки с отцом в карете. Холод, только усилившийся под пронизательным взглядом Айнсли.

– Так что же? – Отец встал у нее за спиной, как будто не мог больше выносить выражения ее лица.

Она вздрогнула: пытливый взгляд Айнсли не оторвался от нее ни на миг. У нее возникло подозрение, что на поле боя он был бы так же бесстрашен, как и его брат. Стивен Лайонс прибыл в Крым в звании капитана, но его отчаянное геройство в бою было отмечено командованием: вскоре ему присвоили звание майора.

– Ваш мальчик наградил мою девочку ребеночком, так что вам лучше быть с ней поприятливее, – помолчав, сказал отец.

Мать Айнсли, как раз поглаживавшая вышеупомянутого ребеночка по щечке, заметила, посмотрев на сына:

– Он так похож на Стивена в его возрасте!

– Все младенцы выглядят одинаково, мама.

– Только не для матери.

Герцогиня перевела грозный взгляд на новоиспеченную мать, и Мерси с большим трудом удалось не поежиться. Она и представить не могла, что можно обладать такой уверенностью в себе, как эти люди. Для этой встречи ей пришлось долго собираться с духом. Она знала, что это не сулит ей ничего хорошего, но еще она понимала, что единственная ее надежда на счастье обитала здесь, в этих стенах, и потому преисполнилась решимости держаться до конца, пока не падет последний бастион.

– И, пожалуй, не для бабушки, – добавила герцогиня.

Изначально Мерси собиралась просто оставить ребенка здесь, в кругу его семьи, но в конце концов поняла, что не сможет с ним расстаться. Просто поразительно, как сильно она успела привязаться к малышу за три месяца, прошедших с момента его рождения. Она бы сделала все, чтобы защитить его. Если бы потребовалось, она продала бы дьяволу то, что осталось от ее души.

– Как вы его назвали? – осведомилась герцогиня.

– Джон.

– Хорошее имя.

Мерси кивнула. Все-таки они были добрыми людьми. Не стоило втягивать отца в это дело. Она бы и не втягивала, приехала бы сюда сама, если б знала, где искать эту семью. Но, поскольку это ей известно не было, жить на улице, пока шли бы поиски, было бы не очень удобно. После всего, что она пережила за несколько месяцев, будучи сестрой милосердия, Мерси надеялась, что отец будет рад ее возвращению не меньше, чем она была рада вернуться домой. Впрочем, она достаточно хорошо знала отца, чтобы понимать: он не воспримет новую жизнь как нечто такое, что нужно лелеять, независимо от того, при каких обстоятельствах эта жизнь зародилась. На глазах отца не умирали сотни людей. Он был землевладельцем, так что, появившись на пороге с ребенком на руках, она опозорила не только его самого, но и весь род.

Но она не жалела о том, что сделала. Не могла. Да и не хотела.

– Ваш отец упомянул, что вы встречались со Стивеном, когда он служил в Крыму, – сказала герцогиня, но в ее голосе были слышны вопросительные нотки.

Это было далеко на востоке и считалось не тем местом, куда отправляются порядочные леди.

– Да, ваша светлость. Я служила сестрой милосердия в Ускюдаре. – Не так давно она открыла, что очень немногие люди ориентируются в географии этого района. Хотя герцогиня могла быть исключением. В углу гостиной стоял большой глобус, повернутый как раз той частью света, которая стала причиной стольких волнений и страданий. Мерси представилось, как герцогиня прижимает ладонь к этому месту, чтобы чувствовать себя ближе к сыну, чтобы хоть как-то преодолеть разделявшие их бесчисленные мили. – Туда привозили раненых на лечение.

– Прелестно. Так вы, значит, были одной из помощниц мисс Найтингейл?

Мисс Найтингейл. Для сестер, врачей и пациентов она всегда была просто мисс Н.

– Да, сударыня.

– Газеты рисуют довольно мрачную картину войны. Не понимаю, как там можно находиться: столько лишений, холод, болезни... Говорят, больше людей погибает от болезней, чем на поле боя.

Мерси кивнула и нервно улыбнулась.

– На мой взгляд, единственное хорошее, что дала эта война, – это Джон.

Взгляд карих глаз герцогини смягчился.

Стивен унаследовал глаза не от матери. У него глаза были насыщенного голубого цвета. Она вспомнила, какое беспокойство отразилось в них за миг до того, как он заключил ее в

объятия. Такие нежные. После того что с ней сделали руки трех негодяев, она не думала, что когда-нибудь еще вынесет прикосновение мужчины, но он доказал, что она ошибалась. Как же она тосковала по этим сильным рукам! Но никогда больше ей не знать их силы, никогда больше не чувствовать под пальцами его стальных мышц. Его убили в сентябре. Благодаря чудесному изобретению, телеграфу, имена погибших в считанные часы становились известны на родине и печатались в газетах. Мерси удивило, что герцогиня была не в траурном наряде, а в синем платье.

– Так что же? – снова гаркнул отец. – Я хочу знать, что вы сделаете для моей девочки.

– Я полагаю, вы ожидаете чего-то наподобие денежной компенсации? – спросил Айнсли.

– Можно начать и с этого. Но ее жизнь погублена безвозвратно. Теперь ни один порядочный мужчина не возьмет ее замуж. Она отправилась делать благое дело, а ваш сынок воспользовался случаем.

– Отец...

– Молчи, девчонка! Меньше всего я ожидал, что ты вернешься домой с ублюдкой в подоле.

– Не называй так Джона! – За Джона она была готова убить и пойти на смерть. Как может отец думать только о деньгах и не замечать, что для нее значит ребенок? В сером, лишенном счастья мире Джон был единственным ярким пятнышком. – Ваша светлость, я прошу одного: позвольте мне остаться с Джоном. Я могу стать няней, кормилицей, и мне очень мало нужно.

– Ну нет, так не пойдет! – вмешался отец. – Моя семья опозорена... Я требую справедливости. Вы, сэр, ваша светлость, вы должны занять место, которого не занял ваш брат.

Губы Айнсли задергались, как будто он едва сдерживал смех. Первый признак того, что он не такой убийственно серьезный, каким мог показаться с первого взгляда.

– Вы предлагаете мне жениться на вашей дочери, сэр?

– Да, предлагаю.

– Отец, нет!

– Ей нужен муж, – продолжал он так, будто не слышал протестов дочери. – А я умываю руки.

Происходящее все больше походило на какое-то безумие, и Мерси не знала, как это остановить.

– Ваша светлость, я совсем не для этого привезла Джона. Вы – его семья, а я ни на что не рассчитываю.

– Мисс Доусон, вы можете поклясться, что рожденный вами ребенок – сын моего брата? – спросил Айнсли с теплотой в голосе, которой не было раньше, как будто он начал понимать, что, несмотря на весь ужас положения, в котором она оказалась, ребенок для нее важнее всего и что ее отец только все усложняет. Мерси была рада, что след от тяжелой отцовской руки на ее щеке уже перестал быть заметен. Сначала он ударил ее за глупость, потом – за грехи.

– Клянусь вам, ваша светлость, клянусь всеми святыми, что Джон – сын Стивена.

– Я в этом не сомневаюсь, – твердо произнесла герцогиня. Ее мнение явно имело большое значение для герцога.

Айнсли медленно кивнул, потом широким шагом пересек комнату и отворил дверь.

– Найдите майора Лайонса и передайте ему, что мне нужно с ним поговорить.

Мерси встала с дивана до того, как Айнсли успел закрыть дверь. Сердце ее заколотилось с такой силой, что все наверняка слышали его гулкие удары. Горло сжалось, и она смогла лишь с трудом произнести:

– Он здесь? Но это невозможно! Он же умер!

Айнсли немало удивили ее слова. Как и саму Мерси. Она не была склонна к театральности, но такого поворота событий не ожидала. Чувство облегчения смешалось со страхом. Стивен жив, и это все меняло. Абсолютно все. Колени ее задрожали, но она заставила себя продолжать стоять. С дьяволом лучше встречаться стоя.

– Да, сначала пришло известие о его смерти, – внимательно рассматривая ее, сообщил Айнсли. Ему что, обязательно было беспрестанно исследовать каждый дюйм ее тела? Что он все высматривал на ней? Что надеялся найти? Доказательство того, что она лжет? – Учтивая то, что я потом узнал о бойне под Севастополем, неудивительно, что они могли ошибиться. Он действительно был серьезно ранен и, по мнению врачей, не должен был выжить. Да только те, кто сомневаются в его силе воли, не знают моего брата. Такого упрямого, как он, еще свет не видывал. Домой он вернулся всего месяц назад. Стивен еще не восстановил форму после ранения, но поправляется.

Неимоверная радость мгновенно вытеснила все остальные чувства из ее сердца. Как только майор Лайонс войдет в комнату, все изменится. Он посмеется над ее притязаниями, если вообще вспомнит ее. На передовой и в лазаретах царил хаос. Подобно ворам в ночи, солдаты, врачи, сестры умыкали у войны минуты личного счастья при каждой возможности. Запасались приятными воспоминаниями на тягостные, унылые дни, в которых не было ничего, кроме ужаса и страданий.

Ее счастье с майором Лайонсом было недолгим, совсем недолгим. Но чувства, которые он вызвал в ней, успели расцвести, они были ей непонятны, но внушали страх своей силой.

Взгляд ее метнулся на Джона на руках герцогини. Джон. Ее сын. Ее отрада. Она уже пожалела, что выпустила его из рук. Теперь нужно было броситься туда, где тихонько гугукал Джон, схватить его и убежать отсюда. Однако здесь был его дом. Она не могла лишить его семьи. Он был ее единственной возможностью искупить грехи. Но мысль о том, что с ним придется расстаться, отточенным кинжалом ранила сердце. Раньше она и не думала о том, что он может стать ее спасением.

Слава Всевышнему, теперь все встанет на свои места. Все. Когда майор Лайонс увидит ее...

Что, если он сразу же заговорит о ее позоре, о ее муке? Но он обещал, обещал, что не скажет ни одной живой душе. Держа ее в объятиях, он...

Дверь отворилась со щелчком, прозвучавшим как ружейный выстрел. Ощущение надвигающейся беды заставило Мерси сжаться, и все же она стала жадно пожирать глазами каждую черточку лица любимого. Только в нем мало что осталось от того мужчины, которым она восхищалась, в которого влюбилась, как девчонка.

Увиденное поразило ее до глубины души. В гостиную он вошел медленно, заметно хромя и опираясь на трость. Поступь его была отнюдь не широкой и уверенной. Одет он был не в алый китель, делавший его неотразимым, а в белую рубашку с шейным платком, черный жилет, сюртук и черные брюки. Можно было подумать, что он в трауре.

Хотя, возможно, так и было. Сколько товарищей пало на его глазах? Сколько умерло на поле боя у него на руках?

Из-за невероятной худобы в нем почти невозможно было узнать того крепкого, полного сил молодого человека, который держался весьма самоуверенно, когда выписывался из госпиталя спустя месяц после ее прибытия с мисс Найтингейл. Тогда он еще говорил о скорой победе, о разгроме противника и все убеждал остальных раненых поскорее возвращаться в строй, чтобы вместе закончить дело и отправиться домой. Она так часто слышала его воодушевляющие речи, что преисполнилась решимости как можно быстрее поставить их всех на ноги.

Однако теперь он меньше всего походил на человека, верившего в то, что произносил с таким убеждением.

Уродливый красный рваный шрам опускался от виска до самого подбородка, что, впрочем, ничуть не уменьшало его грубоватой мужской красоты. Но его глаза, прекрасные голубые глаза, – вот что изменилось больше всего. Когда он посмотрел на нее, она увидела в них такую неизбывную тоску, что чуть не заплакала. Раны остались не только на его теле, они изувечили его душу.

Единственное, что в нем не изменилось, – это цвет волос: золотисто-русые со светлыми прядями. Она часто думала о том, как эти волосы выглядят, когда от них отражается солнечный свет. Но повстречались они зимой, под серым небом, когда солнечные лучи не могли разогнать унылый мрак госпиталя.

Ей захотелось кинуться к нему через всю комнату, заключить его в объятия, признаться во всем, прежде чем он объявит ее лгуньей. Ей бы в ту минуту стоило попытаться решить, как сохранить лицо, но она могла думать только о нем. Что произошло за месяцы, прошедшие после их последней встречи? Заметил ли он, что она покинула Ускюдар? Если ему случалось после того бывать в госпитале, искал ли он ее? Для нее он значил так много, хотя сам он ни разу не говорил о своих чувствах. Мерси было сказано, что это не в его правилах, но это не мешало ей предаваться мечтам о том, что он увидел в ней нечто особенное, нечто такое, чего не находил в других женщинах.

– Стивен, – начал Айнсли мягко и осторожно, как заговаривают с опасным и непредсказуемым существом, – ты, разумеется, помнишь мисс Мерси Доусон. Она работала в военном госпитале в Ускюдаре, ухаживала за ранеными в Крыму солдатами.

Она несколько удивилась тому, что он посчитал нужным вдаваться в детали, как будто брат был знаком со столькими Мерси Доусон, что без подсказки не определил бы, которая из них стоит перед ним. Она знала, что он пользовался успехом у женщин, знала о том, с какой неумной страстью он искал удовольствий, но наверняка он был достаточно хорошо воспитан, чтобы помнить каждую из женщин, с которыми имел плотскую связь.

В комнате повисло напряженное ожидание, словно все присутствующие были соединены фортепианными струнами и каждый из них ждал, когда прозвучит аккорд.

Майор Лайонс посмотрел на нее, присмотрелся внимательно, но в его голубых глазах не отразилось никаких чувств. Совершенно никаких. Она была всего лишь одной из многих сестер, которые в свое время привлекли его внимание. Унижение от этого мгновения, мгновения низведения до чего-то совершенно незначительного, абсолютно не стоящего запоминания, несмотря на все то, что их связывало... оно было почти невыносимо. Она не представляла, как такое можно выдержать, но знала, что выдержит. Ради Джона.

Дилемма подняла свою уродливую голову. Что делать? Отстаивать право Джона остаться здесь и постараться убедить их, что майор Лайонс действительно его отец, или же забрать сына и, навсегда распрощавшись с ними, научиться выживать самой? Она знала, что отец не разрешит ей вернуться домой. Ему она была не нужна, и сюда он пришел исключительно ради того, чтобы извлечь какую-то выгоду из такого положения: если не разжиться деньжатами, то хотя бы обзавестись влиятельным зятем.

– Конечно, я помню ее.

Мерси вздрогнула от неожиданности. Чувство облегчения и страх забились в ее груди. Противоречивые желания, противоречивые чувства. Когда она думала, что он мертв, все казалось намного проще. Теперь же могла всплыть правда, и она не знала, чем это обернется для нее – добром или злом.

Майор Лайонс слегка поклонился:

– Мисс Доусон.

– Майор, я так рада, что вы живы!

Несмотря на то что его воскрешение могло обернуться для нее большими бедами, слова эти были сказаны от души. Мерси чуть не сошла с ума от горя, когда увидела его имя в списке погибших. Она была обязана ему стольким, что и вовек не расплатилась бы.

– Не больше, чем я, могу вас заверить.

От резковатого тембра его голоса по телу ее разлилось томление. *Какая же ты дуриха, Мерси! Он так разговаривает со всеми женщинами, и ты не какая-то особенная.* Но было время, когда она думала, надеялась, смела мечтать, что он уделял ей внимание, потому что считал особенной, потому что выделял ее среди всех сестер. Имя ее он запомнил с первого раза. Потом-то она сообразила, что придала слишком большое значение этому незначительному успеху. Он каждую сестру милосердия знал по имени. Он даже различал сестер-близняшек Мэри и Маргарет, которых никто больше не мог различить.

– И ее отец, мистер Доусон...

– Вы погубили мою девочку! – завопил отец, помешав Айнсли представить его как положено.

Досада переполнила ее. *О, какую же запутанную паутину мы плетем...*

Глаза майора Лайонса слегка расширились, и его взгляд снова обратился на нее. Чело его прорезали складки, и Мерси видела, как он сосредоточился, пытаясь припомнить, что между ними было. Как он мог забыть? Или темнота помешала ему хорошенько ее рассмотреть? Или она всего лишь принимала желаемое за действительное, когда подумала, что он ее узнал? Хотя вряд ли будет лучше, если он узнает в ней леди, которую спас той страшной ночью. Возможно, его замешательство, наоборот, ей на руку. Она сейчас просто во всем признается и избежит унижения.

Но с чего начать? О чем рассказать? О чем умолчать? Какие выводы он сделает из того, что от нее услышит? Она дала слово и была намерена сдержать клятву любой ценой.

– Стивен, дорогой, подойди ко мне, – сказала герцогиня и поманила его к себе.

Он пошел к ней, но как-то неуверенно, как будто потерялся в этой большой комнате, так хорошо ему знакомой, и не знал, как себя вести. Она видела слишком много мужчин с таким же выражением лица, с такой же пустотой в душе, словно их сущность осталась на поле боя, а вернулись только тела. Война поглощала не только боеприпасы, провиант, форму и медикаменты.

– Это Джон, – мягко произнесла герцогиня, когда он подошел. – Мисс Доусон уверяет, что это твой сын. Он похож на тебя.

– Я бы так не сказал. Начать с того, что я намного выше.

Герцогиня усмехнулась, и глаза ее наполнились слезами, точно она вдруг увидела того юного балагура, каким был когда-то ее сын. Она взяла его за руку.

– Как думаешь, это возможно? То, что он твой?

Он обошел мать, чтобы получше рассмотреть Джона. Своей большой рукой, раскрыв ладонь, приподнял головку мальчика. Бледные пушистые волосики мягко легли на его длинные тонкие пальцы. Сердце Мерси затрепетало, одновременно наполняясь счастьем и разрываясь. Сколько раз она представляла, как он возьмет на руки ее сына, но все эти фантастические мечты не смогли подготовить ее к тому мгновению, когда он на самом деле прикоснулся к этому драгоценному ребенку. Он узнает себя в нем. Конечно же узнает! И признает его своим, если даже откажется от нее. Ибо она не представляла большего счастья для Джона, чем отцовское признание. Однако она осознавала, что Джона у нее могут отнять. Рождение ребенка вне брака было ответственностью исключительно матери, но эта могущественная семья могла обойти законы. Если в карман ее отца упадет несколько монет, Мерси превратится в нищенку, и единственное, что она ценила, окажется недостижимым.

– При моей-то славе заправского волокиты это, конечно, возможно, – пробормотал Стивен, потом поднял глаза на нее, присмотрелся, и она снова ощутила силу их воздействия. Что

он видел, когда смотрел на нее? Видел ли он ее такой же, как в ту ночь, когда спас ее? Или такой, какой она была сейчас – твердо намеренной спасти своего ребенка, не сумев спасти столь многих?

– Ты должен позаботиться о девушке, – тихо, но твердо произнесла его мать. – Если ты, конечно, не сомневаешься, что это твой сын.

Сейчас он все расскажет, посмеется над ее смехотворным заявлением. Чтобы такой мужчина, как он, мог возжелать такую женщину, как она...

– Разумеется, я позабочусь о ней.

Колени Мерси задрожали и превратились в кисель. Она опустила на стул. Он только что согласился жениться на ней? Нет, это невозможно! Наверное, ей послышалось. Достопочтенный Стивен Лайонс, известный повеса и соблазнитель женщин. Майор Стивен Лайонс, храбрый солдат, сумевший вскружить головы всем сестрам в госпитале. Не может быть, чтобы такой человек мог вот так взять и решить на ней жениться.

– Мисс Доусон, не прогуляетесь ли со мной по саду?

– Вы же не думаете, что я оставлю ее с вами одну! – закипятился отец.

– Если хотите, можете идти следом за нами, – сказал на это майор Лайонс и снова посмотрел на Джона. – Хотя я, признаться, не знаю, чем могу сейчас опорочить ее больше, чем уже опорочил. – И снова его взор преодолел разделяющее их расстояние, и Мерси ощутила его как прикосновение. – Мисс Доусон?

Она поднялась на все еще ватных ногах.

– Да, господин майор. Я с удовольствием пройду с вами по саду.

Конечно, это была ложь. На самом деле ее всю трясло от страха.

Он не помнил ее. Это тревожило Стивена больше, чем он мог выразить словами, потому что, если за последние два года и было нечто такое, что он должен был запомнить, так это она... или, по крайней мере, ее глаза. Необычный оттенок этих глаз напомнил ему цвет виски, но в глазах таился страх, смертельный ужас перед чем-то таким, чего он даже не мог вообразить, но что она, вероятно, знала очень хорошо.

Война, кровь, смерть.

Шрамы, испещрившие тело, и все еще не зажившие раны были свидетельством того, что он прошел через худшее, что может выпасть на долю человека, но разум отказывался вспоминать, что с ним произошло. Он очнулся в полковом госпитале на шаткой деревянной койке с тонким вонючим тюфяком, раздираемый непонятной и бессмысленной болью, потому что последним, что он помнил из прошлого, было то, как он пил чай с Клэр в саду Лайонс-плэйса.

Аромат цветов сменился резкой вонью сочащейся гниющей плоти. На смену песне лугового жаворонка пришли стоны и крики умирающих. Многие звали мать, чтобы в минуту смерти припасть к родному лону. Английская зелень превратилась в серую крымскую грязь. До сих пор он чувствовал в горле привкус крови и уже отчаялся избавиться от этого ощущения. Висевший в воздухе невидимый кроваво-красный туман пропитал то, что осталось от его изорванной формы. Его кровь, кровь бесчисленного множества других людей, которых он не мог вспомнить. Его неспособность оживить воспоминания о них унижала их, обеславливала.

Валяясь рядом с другими ранеными в госпитале, он тонул в собственной грязи, собственной боли, собственной тоске. Они разговаривали с ним о битвах, через которые прошли, о мужестве и героических подвигах, а он делал вид, что тоже помнит все это. Они говорили о погибших, а он чувствовал, что предал тех, кто отдал жизнь за его родину... Возможно, даже за него. То, что ему не было известно, то, что он не мог в полной мере осознать и оценить, не давало ему покоя, глодало его днем и ночью. Он помнил Англию, помнил

семью и любовниц – до малейших подробностей. Но как оказался в этом проклятом месте и чем здесь занимался, он вспомнить не мог.

Стивена переполняло желание сбежать от окружавшей его действительности. Он тосковал по шелковистой мягкости женского тела. Ему необходимо было утешение, которое могут дать нежные руки и ласковый голос.

Но теперь все было не так, как прежде. Удовольствие, которое когда-то доставляли женщины, уступило место желанию, настоящей потребности перестать быть тем, кем он стал, человеком, потерявшим два года своей жизни. Он укоротил свое прошлое, перепрыгнул через пропасть времени.

И вот из терзавшей его зияющей черной пустоты возникла эта женщина. Он знал ее, спал с ней, излил в нее свое семя...

Но он не мог вспомнить вкуса ее поцелуя, не мог вспомнить мягкости ее кожи под его ласкающими пальцами.

Быть может, это была величайшая трагедия – то, что эта женщина, явно из хорошей семьи, сама, по своей воле отдалась ему. Наверняка решиться на это ей было нелегко. Она постоянно отводила взгляд, и это указывало на то, что она чувствовала вину за их связь. И все же он, хоть убей, ничего не мог о ней вспомнить.

Он осознал, что такую, как она, забыть непросто – несмотря на черное платье, которое менее красивую женщину сделало бы похожей на ворону. Но он забыл.

Для женщины она была высокого роста. Чтобы прижать ее к себе как можно ближе, ему, при его шести футах, пришлось бы поднять подбородок. Волосы, скорее медные, чем рыжие, были туго стянуты сзади и аккуратно заправлены под шляпку. Она была стройна, слишком стройна для недавно родившей женщины. Ему подумалось, что роды, должно быть, были тяжелыми, и его тут же охватило чувство вины за то, что он стал причиной ее мучений. Конечно же, родить ребенка вне брака было поступком предосудительным и постыдным. Почему она не оставила его где-нибудь? Она ведь могла вернуться в Англию как ни в чем не бывало, и при должной осторожности никто ничего не узнал бы.

Стивен не обращал внимания на прохладу и острую боль в ноге, прогуливаясь с ней по саду его младшего брата. Сейчас здесь царило уныние. Нигде ни цветочка, листья и стебли пожухли и увяли. И все же только здесь, в тишине и одиночестве, он мог почувствовать себя практически нормальным.

Он посмотрел на серое небо. В последнее время столь многое утратило цвет (кроме ее волос), что он начал задумываться, не теряет ли зрение. Члены семьи и врач, который его лечил, знали о сбое, который произошел в его разуме, но больше он ни с кем об этом не говорил. Гордость не позволяла ему распространяться на эту тему, он и родственников упросил хранить молчание. Никогда в жизни Стивен никого не спрашивал. Но он изменился, только не знал, что стало причиной этой перемены.

Время от времени его посещали какие-то обрывки воспоминаний – окровавленная рука, оглушительный взрыв, вопль, крик, тошнотворный смрад смерти, – но они улетучивались, прежде чем он успевал поймать их и охватить мысленным взором. Возможно, с его стороны просто глупо так упорно стараться вернуть столь страшные воспоминания, но неизвестность, пустота разума были еще страшнее.

– Вам не холодно? – спросил он, и она остановилась.

Это явно были не те слова, которые она ожидала от него услышать. Ее плотный, тяжелый темно-зеленый плащ мог и не защитить от пробирающей до костей сырости.

– В Крыму было гораздо холоднее, – сказала она. – Хотя я слышала, что в этом году Англию ждет необычайно холодная зима. Поневоле начинаешь думать, что это Господь захотел дать прочувствовать англичанам, каково было их воинам там.

– И их женщинам.

Она потупила взор, и краска проступила на ее впалых щеках, как будто ее смутило упоминание о собственных добрых делах.

На какую-то долю секунды его охватило желание рассказать ей о своем недуге, но он не смог заставить себя сделать это. Он не мог к тем страданиям, которые уже ей причинил, добавить еще и унижение признанием в том, что понятия не имеет, кто она и какое место занимала в его жизни... помимо знакомства на одну ночь. Но это было нечто большее, чем желание не смутить ее или не огорчить. Дело было в его собственной гордости, его собственном стыде. И в парализующем страхе.

Что говорит об уме человека то, что он не в состоянии ухватить нить воспоминаний?

Служившие под его началом восхваляли его героизм. Однако сам он не мог вспомнить ни единого своего поступка, достойного похвалы.

Он уже месяц как вернулся домой залечивать тяжелейшие раны, но до сих пор не знал о происхождении ни единого шрама... кроме одного маленького, на щеке, прямо под глазом. Этим его наградила Вестклифф, когда через несколько часов после свадьбы выволок Стивена из кровати своей жены и рассек ему ударом кулака кожу. На самом деле то свидание было совершенно невинным, Стивен всего лишь ободряюще приобнял ее, но он хотел, чтобы Вестклифф думал иначе, и поплатился за это – был сильно избит. Но эта взбучка была пустяком по сравнению с тем, через что ему недавно пришлось пройти. Во всяком случае, на это указывали остальные шрамы. Лишь они одни знали, что с ним произошло. Жаль, что шрамы не умеют говорить.

Стивену не захотелось останавливаться, он пошел дальше, решив, что лучше двигаться, хоть и не имел представления о цели этой прогулки.

Она поспешила догнать его, что было нетрудно. Он пришел к выводу, что у нее ноги такие же длинные, как и у него, хоть и, несомненно, стройнее и аппетитнее. Он попытался вспомнить, как они оплетали его тело, и не смог. В постели она выкрикивала его имя или шептала? Он же, нашептывая нежные слова ей на ушко, наверняка не раз повторил ее имя. *Мерси, Мерси, Мерси.*

Ничто не шевельнулось в его душе. Память осталась нема.

– Сколько малышу? – спросил Стивен.

Он не мог вспомнить имя мальчика. Мать упомянула его, но он не обратил внимания, не придав значения появлению ребенка.

И снова он удивил ее. Это проявилось в глубокой складке, прорезавшей ее изящный лоб. Проклятие! Какие же отношения у них были? Они разговаривали, когда выпадала свободная минута, или предавались безумной страсти, чтобы отвлечься от окружающих их ужасов?

Хоть у него не сохранилось воспоминаний о том, что происходило до того, как он попал в госпиталь, увиденного за время выздоровления ему с лихвой хватило, чтобы понять, что на землю пришел ад.

– Чуть больше трех месяцев, – наконец отозвалась она.

Он услышал неуверенность в ее голосе, неловкость оттого, что приходится говорить то, что он и так должен был знать. Говорила ли она ему, что беременна? Или он должен был сам подсчитать месяцы после их последнего свидания? Делал ли он ей предложение? *Господи, сделай так, чтобы она не поняла, что я не помню ее!*

Он никогда не обижал женщин. Женщины были его страстью, его *raison d'être*¹. Он ценил все, что они могут дать, и не скрывал от них своего восхищения. Ни разу он осознанно не сделал так, чтобы женщина пожалела о том, что провела с ним время.

---

¹ Смысл существования (фр.).

Исключением была разве что Клэр. Он стремился уберечь ее от своего брата, обрекая на годы терзаний и одиночества, печали и раскаяния. В то время как сам он продолжал удивлять лондонских красавиц своим мастерством в постельных утехах.

Но Клэр и Вестклифф в конце концов сошлись, и счастью Клэр не было предела. Стивен подумал, что женщина, которая сейчас шла рядом с ним, пожалуй, никогда не сможет быть настолько счастливой. Он видел, что ее что-то тяготит, и не сомневался: его поступки сделали еще тяжелее груз, который лежал на ее хрупких плечах. Однако Стивен чувствовал, что по натуре она человек решительный и не сдастся. Он подозревал, что его в ней привлекла не только внешняя красота. Вероятно, она была представительницей того редкостного вида существ, которые способны притягивать его на каком-то глубинном уровне. Правда, он всегда сторонился их, не хотел связываться с женщинами, от которых ему было бы нужно не только удовлетворение потребностей тела. Так почему же он не сумел устоять против искушения сблизиться с нею?

Если он признавался ей в любви, она должна быть счастлива оттого, что он сейчас идет рядом с ней, а не лежит под шестью футами земли.

– Почему вы только сейчас принесли его? – спросил он. Безопасный вопрос, ибо он никак не мог знать причин ее поступков.

Глаза ее забегали, как будто она хотела найти ответ в унылом саду. Он вспомнил времена, когда мог любую соблазнить и заставить открыть ему *все*, от самых сокровенных секретов до ямочки над округлым задком. Он утратил не только память. Он утратил бесшабашность. Раньше он уже давно заставил бы мисс Доусон беззаботно хохотать, да только сам разучился смеяться и не мог вспомнить, когда в последний раз издавал эти странные звуки. Или даже хотел этого.

– Я не... Я не понимала, как вести себя, – призналась она. – Вы не знали о... – Она замялась, и краска стыда усилила румянец, проступивший на ее щеках от холода.

Так значит, она не сообщала ему, что носит ребенка. Слава богу! Выходит, он не бросил ее, не оставил одну расхлебывать эту кашу. Странно, но мысль об этом была ему приятна. По крайней мере, человек, каким он был в Крыму, не отличался от человека, каким он был раньше. Он всегда был осторожен и старался избегать досадных случайностей, но при этом всегда думал о том, как поведет себя, если это все же произойдет. Родственники обвиняли его в бесхарактерности, но он питал надежду, что это лишь фасад беззаботной молодости. Впрочем, у него не было повода это проверить. До сих пор.

– Джон родился в Париже, – продолжила она чуть окрепшим голосом, как будто перешла к теме, в которой чувствовала себя более уверенно. – Я думала о том, чтобы растить его там, но потом...

Джон. Мальчика зовут Джон. Хорошее, сильное имя. Интересно, почему она выбрала его? Оно имеет для нее какое-то особенное значение?

Она остановилась, и ему тоже пришлось остановиться. Нога была рада передышке. Он редко когда баловал ее отдыхом, как будто наказывал за постоянную боль, за то, что не мог вспомнить, при каких обстоятельствах она была ранена.

– Я увидела ваше имя в списке погибших. – Глаза ее затуманились, и она заморгала, прогоняя слезы.

Он был ей небезразличен. У нее с ним были связаны какие-то дорогие ей воспоминания. А она что-то означала для него, кроме безумной страсти в постели?

Черт возьми, что же он чувствовал к ней? Он хотел знать. Он хотел спросить у нее, чем они занимались вместе, куда ходили, долгой ли была их связь. Доверял ли он ей? Тысяча чертей, любил ли он ее?

– Я думала, вы умерли, – нерешительно произнесла она, как будто боялась, что, если произнесет эти слова с уверенностью, ее страхи воплотятся в действительность.

Нет, только часть его разума умерла на том проклятом поле боя. На поле боя, которое он не мог представить, как ни старался.

– Мои родные тоже так подумали, – сказал он. – Им передали эту новость.

– Наверное, для них это стало страшным ударом.

У него не хватило бы слов, чтобы описать то горе, какое они, вероятно, испытали. Первую неделю после его возвращения мать вообще не выпускала его из виду, как будто он снова стал ребенком, за которым нужно постоянно присматривать, чтобы он чего-нибудь с собой не сделал.

– Догадываюсь, что они чувствовали. Я не могла оставить Джона у себя. Вы должны меня понять. Я люблю его больше жизни, но он не только мой, но и ваш, и я подумала, что вашей семье он принесет радость.

– И позор – вашей.

– Мой отец ничего не понимает. Да и как ему понять? Он же не прошел через то, через что прошли мы.

Что касалось самого Стивена, о себе он мог сказать то же самое.

– Жизнь – это сокровище. Бесценное сокровище. Я не жду, что вы согласитесь жениться на мне. Я...

– Почему? – Слово сорвалось с его уст невольно. Он не справился с любопытством. – Почему вы этого не ждете? У вас ребенок от меня.

Глаза ее округлились, рот приоткрылся. Она отвернулась. Он заметил, что ее плечи напряглись и она сжала кулаки, словно ждала, что он сейчас начнет ее утешать. Такими ли были их отношения? Должен ли он сейчас положить руки ей на плечи? Должен ли сжать их? Должен ли обнять ее? Господи, до чего неловко! Это невыносимо. Он обязан ей рассказать.

Простите, но я понятия не имею, кто вы такая. Я не помню, чем вы были для меня и чем я был для вас.

Глядя на увядший сад, Мерси надеялась, что отвернулась достаточно быстро, чтобы он не заметил замешательства в ее взгляде. Совсем другого она ждала от этой прогулки – брошенных в лицо обвинений, требования объяснить, что за игру она затеяла. Но, похоже, он сам решил поиграть с ней.

У вас ребенок от меня.

Слова эти были произнесены с убежденностью, точно он действительно в это верил. Но возможно ли это? Она знала, что война может пошатнуть человеческий разум, одурманить, сбить с толку.

Однако майор Лайонс, похоже, был в своем уме... Но разве его заявление не указывало на обратное?

Он принял ее за женщину, которая могла родить его ребенка. А не просто за женщину, которую он всего лишь утешил ночью. Не за женщину, которая влюбилась в него, зная, что его сердце никогда не будет принадлежать ей.

Конечно, она не могла не испытать разочарования оттого, что ночь, которая навсегда изменила ее, для него, видимо, ничего не значила. Он был таким внимательным, таким добрым, таким нежным в ту далекую ночь. Какая же она глупая – решила, что он мог относиться к ней как-то по-особенному! Ни один мужчина так к ней не относился. Но Стивен Лайонс и не был похож на тех мужчин, которых она знала. Красив, обаятелен, обходителен. Ни одна сестра в госпитале не могла устоять перед его чарами.

Мерси не была исключением.

Она хотела было разозлиться, понимая, что понадобилась ему только для того, чтобы отвлечься, но сообразила: то, что он не помнит подробностей их отношений, может оказаться выгодным для нее. И почему бы не воспользоваться этим? С той минуты, когда в ее жизнь

вошел Джон, она стала такой лживой, что сама себе удивлялась. Любовь к Стивену Лайонсу, а потом и к его сыну стала позором для нее. Теперь ни один мужчина не возьмет ее в жены.

Ей предстояло столького добиться, а майору Лайонсу было почти нечего терять. Она уже показала себя прекрасной матерью и стала бы такой же хорошей женой. Благодаря браку Джон остался бы в ее жизни, а она – в его.

Неужели она и правда собирается продолжать этот фарс?

А что, если на самом деле он все помнит? Тогда он станет презирать ее. Осмелится ли она пойти на такой риск?

Мерси раньше никому из посторонних не говорила, что произвела Джона на свет. Эта честь принадлежала другой. Но женщина, которая его родила, отвернулась от него. Бросила его, потому что присутствие ребенка являлось угрозой для красивой жизни, о которой она всегда мечтала. Поэтому Мерси спасла его и, поскольку кормить грудью сама не могла, нашла кормилицу. Поначалу он сильно болел, и Мерси выхаживала его с маниакальным упорством. Она уже не могла видеть, как умирают люди, и на этот раз попросту не позволила смерти украсть его. Она неустанно боролась за него, пока не подорвала собственное здоровье.

Но за те тяжелые, страшные недели она полюбила Джона так, будто это *она* родила его. Она стала его матерью во всех смыслах этого слова. Она не строила планов на будущее ни для него, ни для себя. Она просто принимала каждый новый день.

За время, проведенное в Крыму, она усвоила: невозможно предугадать, что с тобой будет даже в следующее мгновение. Потом она увидела имя майора Лайонса в списке погибших и решила отвезти Джона к герцогине. Он был плоть от плоти ее сына.

Но страх, что Джона, которого она любила больше жизни, у нее отнимут, заставил ее назваться его матерью. Она знала, что этим навлечет на себя позор и унижения, но это было ничто по сравнению с той болью, которую она испытала бы, если бы ей не позволили быть частью его жизни. Она не могла объяснить бушевавший в ней материнский инстинкт, но разлука с ним разбила бы ее сердце.

Когда она узнала, что майор Лайонс жив, ее буквально затрясло от страха. Ведь он-то должен знать, что она не могла быть матерью Джона! Несмотря на то что они провели вместе ночь.

Но, похоже, он не помнил той ночи. Даже ее саму он вспомнил с трудом. Потому ли, что она такая незапоминающаяся, или просто у него было столько женщин, что он начал путаться?

Нужно спросить его: кто я, по-вашему? Что, по-вашему, между нами произошло? Но что это даст, кроме еще большего унижения? Чего еще она может лишиться?

Джона. Единственного человека, который что-то для нее значил, который наполнял ее жизнь смыслом.

Она не могла открыть правду, не могла рисковать. Все внутри нее кричало, что нельзя продолжать эту игру. Но сердце не слушалось. Она пойдет на компромисс. Она не станет лгать, но и всей правды не откроет.

– То была всего лишь одна ночь. – Грубоватые слова наводнили ее воспоминаниями об их ночи. Она пережила унижение и бесчестье куда страшнее, чем позор, который ложится на мать, родившую ребенка вне брака.

– Темнеет. Нужно возвращаться, а не то ваш батюшка начнет разыскивать нас, решив, что я опять овладел вами.

Она развернулась, их взгляды встретились. Она попыталась увидеть в его глазах хоть какое-то объяснение тому, что он так неожиданно решил сменить тему.

– А как же Джон? Что мы будем делать с ним?

– Не знаю. Нужно будет это обсудить.

– Он не *это*. Он малыш. Ребенок. Счастье.

– Я имел в виду *эту* тему. Как же вы его защищаете!

– Он заслуживает лучшего, чем то, что имел до сих пор.

Стивен прищурился.

– Лучшего, чем мать?

Он хочет поймать ее на слове? Он знает правду? Он подозревает, что...

– Меня недостаточно. Я люблю его, но любовь не согреет, не утолит голода, не защитит.

– От кого его нужно защищать?

Она посмотрела в сторону.

– Ни от кого. Я имела в виду в общем.

– Вы останетесь на ночь, – сказал он и, не дожидаясь ответа, пошел к дому, заметно приволакивая ногу.

– Что значит «вы останетесь»? – спросила она, схватив его за руку.

Он дернулся, как будто ее прикосновение было ему невыносимо. И этот человек когда-то получал удовольствие от любого общения с женщинами! Да что же с ним случилось после того, как он покинул госпиталь?

Ей захотелось утешить его, как он когда-то утешил ее, но с чего начать?

– Нам еще во многом нужно разобраться, – сказал он. – Не бойтесь, у нас здесь комнат больше, чем нужно, и я уверен, что вас можно спрятать так, чтобы я вас не нашел.

Кивнув, она направилась к дому, а он пошел следом, пытаясь не отставать.

– Кажется, вы стали сильнее хромать, – мягко сказала она, замедляя шаг.

– Это от холода.

– Как вас ранило?

– Плоть была разорвана на бедре до колена. Рана все еще не зажила. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь ходить, не чувствуя боли. Наверное, мне еще повезло, что я на двух ногах. Но голова все время болит. – Он остановился и глубоко вздохнул. – Прошу прощения. Я не собирался утомлять вас рассказами о своих несчастьях.

– Нет, я... Жаль, что меня не было тогда с вами. Я к тому времени уже уехала. Мисс Н. не терпела... неподобающего поведения.

– Вам, наверное, было очень тяжело.

– Ради Джона я готова на все. На все.

Его губы медленно растянулись в некое подобие улыбки, как будто он разучился пользоваться соответствующими лицевыми мышцами.

– Ему очень повезло.

Ей оставалось лишь надеяться, что майор Лайонс всегда будет так думать.

Глава 2

Сидя за туалетным столиком, Мерси смотрела на свое отражение в зеркале. Сегодня это было несколько сложнее делать, чем вчера. Этим вечером она должна быть готова к тому, что ее в любую секунду могут позвать.

Она заранее была готова остаться... Только потому, что отец не принял бы никакого другого исхода их приезда сюда. Она собрала сундук, и его погрузили на карету. Если бы ей не разрешили остаться, отец просто-напросто высадил бы ее на обочине, а сам поехал бы своей дорогой. Ее и Джона. Как он может не любить Джона, это невинное дитя, попавшее в сети обмана?

Мерси старалась не думать об этом, пока присланная герцогиней горничная пыталась совладать с ее непокорными волосами. Они гораздо лучше себя вели, когда были туго стянуты, но умелые руки горничной привели их в порядок.

Когда герцог и его мать поручились, что с ней ничего не случится, и пообещали вернуть ей доброе имя, отец ушел, как будто вопрос был исчерпан. Но это было не так. Далеко не так. Хотя в этом доме она чувствовала себя в безопасности и, что важнее, Джону здесь ничего не грозило. Мерси видела, как герцогиня смотрела на мальчика. Она его уже полюбила. Джона очень легко было полюбить.

Это качество ему передалось от отца. Хотя Мерси и не могла отрицать, что теперь тот был совсем не похож на самоуверенного молодого человека, которого она встретила в полевом госпитале. Но она тоже изменилась. Джон заставил ее снова стать такой, какой она была раньше. После того, через что она прошла, после того, что видела, Мерси не думала, что когда-нибудь снова сможет улыбаться.

Однако он заставил ее улыбаться. Поначалу совсем чуть-чуть, незаметно, но с каждым днем, когда она наблюдала за тем, как растет Джон, когда прижимала его к себе, когда видела, с каким удивлением он глядит на мир вокруг себя, ее улыбка становилась все шире. Со временем он станет еще более любопытным, и ей хотелось пройти через все вместе с ним. Ей хотелось научить его лазать по деревьям, хоть это отнюдь не женское занятие. Ей хотелось увидеть, как он впервые сядет на лошадь. Хотелось наблюдать, как он будет становиться мужчиной, с которым нужно считаться. Таким же, как его отец.

Когда горничная наконец справилась с ее волосами, Мерси осторожно надела бледно-зеленое платье. Вот уже два года она носила только черное. Ей это казалось важным, как будто этот мрачный цвет мог подчеркнуть значимость ее занятия. Но сегодня было гораздо важнее обратить на себя внимание майора Лайонса, сделать все, что в ее силах, чтобы он принял ее в свою жизнь. Ради Джона.

Зеленый цвет всегда ей шел и прекрасно сочетался с рыжими волосами. Медно-рыжие, они выделяли ее среди остальных медсестер, когда она заходила в палату к раненым. Они начали называть ее Рыжий ангел.

К стыду Мерси, присоединиться к мисс Н. ее подтолкнуло не только желание помогать раненым. Никаких видов на замужество у нее не было, и она по простоте душевной подумала, понадеялась, что там сможет кому-нибудь понравиться. Ей даже представлялось, как она будет вытирать лоб какому-нибудь раненому солдату, как их взгляды романтически встретятся и между ними тут же вспыхнет любовная искра.

Но совсем не о любви думает человек, когда его тошнит, трясет в лихорадке, когда он не в состоянии управлять даже самыми простыми функциями организма. Ему не до романтики, когда он теряет руку или ногу и воет от боли. Нежные слова шептала только она, чтобы успокоить, когда раны и болезни пробуждали в человеке его звериную сущность, прежде чем обратить в ничто. Она заставляла себя сдерживать слезы, потому что знала: как только

они потекут, их уже будет не остановить. Она любила каждого мужчину в своем отделении, но это было не то чувство, которое описывают в романах и воспевают в сонетах.

То была любовь, рожденная признательностью за самоотверженное служение родине, желанием облегчить страдания, утешить. Путешествие свое Мерси начала как юная идеалистка, ищущая приключений и мужского внимания. Но очень скоро она уже думала только о служении высшей цели, и в конце концов ее собственные желания перестали иметь значение, а то, чем она являлась, перестало существовать, и женщина, почти ей незнакомая, поселилась в ее оболочке. А потом настала ночь, когда ее мир рухнул...

Она снова посмотрела на себя в зеркало, пока горничная расправляла рукава платья и юбки. Нужно все рассказать Стивену Лайонсу. Но в этом случае она рискует потерять Джона.

– Спасибо, пока все, – сказала Мерси горничной, отпуская ее.

Когда девушка ушла, она подошла к детской кроватке, которую где-то раздобыла герцогиня. Джон лежал в ней, посасывая во сне кулачок. Нужно было позвать кормилицу, которую она наняла в Париже и которая сопровождала ее повсюду, куда бы она ни отправилась с Джоном. Жанетт приехала с ней и отцом в карете и, пока они разговаривали с герцогом и его матерью, пила чай в кухне. Когда стало понятно, что майор Лайонс хочет, чтобы Мерси осталась, Жанетт отвели одну из комнат для прислуги. Ребенок и муж Жанетт умерли от холеры. Она без сожаления покинула Францию, и Мерси была благодарна ей за помощь, потому что сама еще не умела как следует обращаться с маленькими детьми, но не хотела расставаться с Джоном.

Он не давал ей расклеиться, спасал от ночных кошмаров. Мерси понимала, что несправедливо возлагать подобную роль на невинное дитя, но ей была невыносима мысль о том, что она больше никогда не обнимет его, не увидит его сладкого личика, не погладит мягкие щечки.

Если брак со Стивеном Лайонсом позволит ей остаться с Джоном, она сделает все, чтобы этот брак состоялся.

Даже если это будет означать, что она никогда не сможет раскрыть правду о Джоне, даже если за это ей придется целую вечность гореть в адском пламени.

Она готова была пойти на любую жертву. На любую!

Стивен постоянно чувствовал себя так, словно просыпался после грандиозной попойки. Несмотря на то что теперь он пил гораздо меньше, чем когда-либо, голова его вела себя так, будто он пил спиртное галлонами.

Даже сейчас, рано утром, мысли его как будто застилал туман. Сидя в мягком кожаном кресле в библиотеке брата, он тер висок и кривился от боли, когда пальцы случайно попадали на шрам, начинавшийся сразу под ним. Стивен, конечно, понимал, что, если бы даже не забыл саму войну, вряд ли он был настолько сосредоточен на собственном благополучии, чтобы помнить происхождение каждой своей раны, но тогда они, по крайней мере, приобрели бы какой-то смысл. Однако вместо последних двух лет в его сознании зияла дыра.

– Мать довольна, что ты вспомнил мисс Доусон, – сказал Айнсли, садясь напротив Стивена и вытягивая свои длинные ноги. У них не было возможности остаться наедине с той минуты, когда он сообщил матери и брату о прибытии неожиданных гостей. – Раз ты вспомнил ее, все остальное тоже скоро вспомнишь.

Если бы!

– К сожалению, мать так и не научилась понимать, когда я говорю правду. Как, потвоему, почему мне удалось так долго пользоваться ее благосклонностью?

Айнсли, как всегда, не выдал своих чувств. Если он и удивился, это никак не отразилось на его лице.

– Я боялся этого. Что ты хочешь...

– Скрыть правду?

Айнсли оставил без внимания едкое замечание. Стивен находил его невозмутимость весьма раздражающей. Впрочем, в последнее время его многое стало раздражать. Он приехал в имение брата, чтобы залечить раны, набраться сил, но считал, что его здоровье уже не улучшится. Ему хотелось двигаться дальше, поехать в Лондон, снять дом, вернуться к знакомой жизни. Тогда все будет так, словно ничего не произошло, несмотря на то что какие-то воспоминания стерлись из его памяти. Мисс Доусон была для него незнакомкой, но и сам для себя он был незнакомцем.

– Если ты ее не помнишь, почему считаешь, что она не лжет? – спросил Айнсли. – Что, если она просто решила воспользоваться... твоим положением?

Все так старательно обходили стороной его недостаток, как будто боялись называть его тем, чем он являлся на самом деле, – признаком умственного расстройства. Пожалуй, ему следовало быть благодарным им за то, что они не упрятали его в психушку. А если эта его забывчивость – только начало? Кто знает, во что она разовьется?

Пальцами, которые, вероятно, когда-то ласкали мисс Доусон, он потер лоб.

– Никто об этом не знает, кроме семьи и моего врача. Я просил сохранить это в тайне и надеюсь, что мою просьбу выполнили. Так что она сюда приехала в полной уверенности, что я ее помню. Обманывать ей не имело смысла. Ее ложь сразу была бы разоблачена. К тому же, я думаю, она считала, что я умер.

– Да, она, похоже, не ожидала увидеть тебя живым, но это не подтверждение того, что ребенок твой. Может быть, она явилась сюда, полагая, что никто не сможет опровергнуть ее заявление.

– Какой ты подозрительный! Мне она не показалась похожей на мошенницу.

– Ты так решил, проведя с ней полчаса? Ты рассказал ей правду о себе, когда вы гуляли по саду?

Он переместил взгляд на брата. Среди друзей и знакомых Стивена ни у кого не было старшего брата графа и младшего герцога. Мать его не теряла времени даром и после того, как первый ее муж умер, оставив ее одну с двумя сыновьями и без средств к существованию, очень скоро обзавелась вторым мужем. Не имея привычки откладывать важные дела на потом, она вскоре родила второму мужу наследника. Рэнсом Сеймур, герцог Айнсли, всегда казался старше своих лет. Его постоянное желание быть ответственным и уравновешенным человеком несколько утомляло Стивена, особенно когда он был в игривом настроении, хотя эта его любовь к играм и стала причиной нынешнего затруднительного положения. Интересно, мисс Доусон стояла того? Ему казалось, что да. Наверняка в минуту страсти, нависая над нею и глядя сверху в ее глаза цвета виски, мужчина должен испытывать просто неземные чувства.

– Она родила мне ребенка, Айнсли. Как мне ей сказать, что я совершенно ее не помню? Она и так пережила унижение.

– Похоже, участие в войне сделало из тебя достойного человека.

– Но какой ценой...

Утрата воспоминаний не давала ему покоя. Нога в последнее время болела невыносимо. Иногда ему казалось, что эта боль делает то, чего не удалось врагу, – прикончит его. В голове постоянно стоял туман. Стивен ощущал себя обузой для семьи, и больше всего ему хотелось выздороветь, чтобы зажечь своей собственной, независимой жизнью.

– Я сказал бы, что ты скорее забудешь ужасы войны, чем хорошенькое личико.

Стивен обжег бы брата взглядом, но это усилило бы боль в голове. К тому же Айнсли был не из тех, кого можно утратить взглядом.

– Я забыл не какие-то фрагменты последних двух лет. Я забыл все, происходившее в этот период.

– И все равно... забыть даму...

– Я мог спать с дюжиной дам – скорее всего, так и было, – но ни одну из них я не могу вспомнить. – Он не мог вспомнить лица ни одной женщины и ни одного мужчины, с которыми имел дело за последние два года. Ни солдат из своего полка, ни врагов. Но ведь он должен был запомнить хотя бы лица тех, кого убивал! Меньше всего ему хотелось вспоминать мертвецов, но он был бы согласен даже на это, лишь бы вспомнить хоть что-нибудь.

– И что ты с ней намерен делать? – спросил Айнсли, возвращая его мысли к мисс Доусон.

– Понятия не имею.

– Если мальчишка твой...

– Ты в этом сомневаешься?

Айнсли выпрямился, подался вперед и уперся локтями в колени, держа кончиками пальцев стакан портвейна.

– Она не была бы первой женщиной, которая... выбирает отца ребенку ради положения в обществе.

Стивен перестал тереть лоб и прижал пальцы к виску.

– Она не показалась мне неразборчивой в связях. Она сказала, что мы провели вместе всего одну ночь.

Ему оставалось только гадать, была ли она такой же, как те бесчисленные женщины, которых он знал до нее. Для него соблазнить и уложить в свою постель женщину было все равно что объездить лошадь. В Лондоне он весьма гордился своими амурными подвигами и не задумывался ни о чем, кроме удовольствия. Он соревновался с Вестклиффом в будуарах, стремясь получить славу лучшего любовника, чем старший брат.

Или же мисс Доусон была чем-то большим? Была ли их любовь такой захватывающей, что она отдалась ему из страха, что та ночь могла стать единственной отпущенной им, поскольку утром он мог погибнуть?

А теперь их разделила эта проклятая неловкость. Если верно последнее предположение, для нее эта ситуация еще ужаснее. Конечно же, она рассчитывала на более пылкую встречу.

В любом случае он чувствовал себя свиньей.

– Что настораживает еще больше.

– Или доказывает, что, кроме меня, у нее никого не было.

– Теперь, когда ребенок уже родился, брак не смочет с нее пятно.

– Но скрасит грех. Она выйдет за отца мальчика. Вдовушкам это понравится.

– Если ты на ней женишься, это не сделает ребенка законным.

– Зато акт парламента сделает. Как же мне повезло, что у меня два брата в Палате лордов!

Айнсли обратил на него свой дьявольски пронизывающий взгляд.

– Почему тебе так хочется нацепить эти кандалы, несмотря на то что я стараюсь помешать этому?

Стивен запрокинул голову и посмотрел на фрески на потолке. Лесные нимфы и соблазнительные красавицы с обнаженными руками... Покой, которого ему так не хватало. Его терзало то, чего он не мог выудить из самых дальних закоулков своего разума. Но если вспомнить все, что произошло за эти два года, уменьшатся ли его мучения? Или же, наоборот, сделаются вовсе невыносимыми? Если верить всему, что он читал и слышал, не помнит этой войны было истинным благословением. Врачи называют это «амнезия». Нет ничего необычного в том, что человек забывает неприятное. Как будто Стивену не хватало решимости посмотреть в лицо пережитому когда-то ужасу. Его терзала мысль, что он оказался трусом, который только рад отсутствию воспоминаний.

– Не знаю, почему меня на это потянуло, – наконец ответил он брату. – О браке я до сих пор не задумывался.

– Вот поэтому-то меня и озадачило твое согласие безропотно принять это как судьбу.

– Мать говорит, ребенок похож на меня.

– Я в своей жизни видел множество детей, и все они выглядят одинаково. Розовые щеки, губы бантиком, раскосые глаза.

– Ты с возрастом становишься циником.

– Становлюсь похожим на старших братьев.

– Можешь похвастаться успехами в спальне? – спросил Стивен, охваченный отчаянным желанием отвлечь разговор от своей персоны, пока не лопнул череп.

Айнсли лишь ядовито улыбнулся:

– Ты пытаешься сменить тему.

– Да, я...

Тут открылась дверь, они повернули головы и увидели, что в комнату вошли мать и мисс Доусон. Стивен тут же поднялся, но слишком быстро. Ногу пронзила острая боль, и он чуть не потерял равновесие. Чтобы не упасть, он схватился за спинку кресла, надеясь, что внимание мисс Доусон в это мгновение было направлено на книги или какую-нибудь картину, а не на него. Если она и заметила его жалкую беспомощность, то виду не подала. Мать, напротив, казалось, готова была разрыдаться, но, к счастью, довольно быстро взяла себя в руки. Она знала, что он не любит, когда она проявляет чрезмерную материнскую заботу.

Впрочем, заботы какой-нибудь хорошенькой горничной у него не вызывали такого неприятия.

Только он не был с женщиной с того дня, когда очнулся в проклятой выгребной яме, которую называли госпиталем. Не так давно природа снова начала брать свое, но какая женщина захочет калеку, в которого он превратился?

– Все хорошо, – пробормотал он, отталкивая заботливо протянутую Айнсли руку, которую только сейчас заметил. – Все хорошо.

Только все было не так уж и хорошо. Мерси Доусон он не назвал бы красавицей, и все же в ней появилось что-то притягательное. Как будто за время, пошедшее с того момента, как он оставил ее в гостиной, предупредив семью, что мисс Доусон останется, и до своего появления в библиотеке она обрела покой и душевную гармонию. То, чего он желал так отчаянно, ей далось безо всякого труда.

– Мисс Доусон, – начал Айнсли, выступив вперед и слегка поклонившись. – Позвольте заметить, вы очаровательно выглядите. Судя по всему, вы нашли все, что вам нужно.

– Да, благодарю вас, ваша светлость. Не знаю, каким чудом ваша матушка сумела за столь короткое время раздобыть колыбель, Джону в ней очень уютно. Он никогда не спал так крепко.

Имя сына слетело с ее языка, как сладкая колыбельная песня, мягко и успокаивающе. Стивен подумал о том, как его имя могло звучать в ее устах в момент страсти. Это будет несложно узнать сегодня же вечером. Он велел слугам устроить ее в том же крыле, где находилась и его комната. Да, это не очень благородно с его стороны, но они взрослые люди, и к тому же ее репутация уже и так порядком подмочена. Да и потом, здесь, в имени брата, кому какое дело до этого? Любовника его матери тоже особенно не скрывали, хоть и не выставляли напоказ. Айнсли точно не осудит его за то, что он ищет удовольствие там, где может. Слуги знают, что распространение сплетен обернется для них увольнением и что герцог скор на расправу.

– Благодарить за это нужно моего старшего брата, графа Вестклиффа. Этим летом у него появился наследник, и герцогиня настояла на том, чтобы у нас все было готово на тот случай, если малыша привезут к нам. Она его балует.

– И я не могу баловать одного внука и не баловать другого, – вставила герцогиня.

Стивен удивился: как это раньше ему не пришло в голову, что если ребенок действительно его, то, выходит, у его матери появился еще один внук? От этой мысли он почувствовал себя ужасно старым.

Щеки мисс Доусон порозовели, как будто она тоже об этом подумала. Стивен заметил, что ему начинает нравиться, когда на ее лице проступает румянец. И выглядела она на самом деле прекрасно. Теперь на ней было чуть более нарядное платье, с круглым вырезом, который открывал шею и частично плечи, но лишь слегка обнажал ложбинку между грудями. Видел ли он ее в этом платье прежде? Высказывался ли о нем? Или же оно новое и она ждет от него оценки? Похоже, она и впрямь чего-то ждала. Возможно, что он что-то скажет, а не будет молча стоять как истукан.

– Мисс Доусон, не желаете ли немного вина перед обедом?

Она, похоже, удивилась и расстроилась. Может быть, нужно было подойти к ней и поцеловать руку? Может быть, раньше он не мог оторвать от нее своих рук? Будь на ее месте любая другая женщина, его не мучили бы эти вопросы. Но незнание женщины, которую он *должен был* знать, порождало массу трудностей. Особенно из-за того, что он не хотел, чтобы она об этом догадалась.

Нелепость какая-то! Если они были близки, она его поймет. Работая в госпитале, она наверняка сталкивалась с людьми, с которыми происходило то же самое. Но видеть жалость в этих глазах цвета виски ему было невыносимо. Он мог не помнить эту женщину, но присущую ему гордость он не собирался терять.

– Разве что немного. Спасибо, – наконец отозвалась она.

Он заставил себя не припадать на правую ногу, когда пошел к бару.

– Лео присоединится к нам сегодня вечером?

– Непременно, – ответила герцогиня и пояснила мисс Доусон: – Лео – замечательный, талантливый художник. Я попросила его написать наши семейные портреты. Думаю, он и вас захочет написать маслом.

Однако не владение кистью, а совсем другие таланты этого молодого человека удерживали мать рядом с ним. Стивен был рад, что у матери такой любовник, который ценит ее и дает возможность чувствовать себя любимой. Быть может, то, что она сама жила отнюдь не праведной жизнью, и заставляло ее привечать мисс Доусон и не осуждать ее.

– Это, пожалуй, несколько преждевременно, – неуверенно произнесла мисс Доусон. – Я же не член семьи.

– Что вы, конечно же вы одна из нас, милая девочка. Если не по закону, то по совести, – заверила ее герцогиня.

«Интересно, – подумал Стивен, – догадывается ли мисс Доусон о том, что мать очень решительный человек?» Слова «поражение» герцогиня не знала.

Тросточка застучала непривычно громко, когда он пересекал комнату. Мисс Доусон встретила его на полпути. Она взяла стакан из его руки, и их пальцы на миг соприкоснулись, отчего теплая волна прокатилась через все тело Стивена и опустилась в пах, заставив его напрячься от желания. Так у них всегда было раньше? Она, похоже, немного смешалась, но не испугалась, как будто подобные прикосновения были ей привычны. Хотя кто знает?

Она не по-женски решительно отхлебнула вина, закашлялась, прикрыв рот рукой. На глазах у нее выступили слезы.

– Простите...

– Возможно, будет лучше не пить, а понемногу потягивать.

– Да, да, конечно. Вино великолепное. Спасибо.

И они посмотрели друг на друга так, будто в комнате больше никого не было. Он заметил, что у нее слегка вздернутый носик. Возле уголка рта виднелась крошечная родинка, а

ресницы у нее были такие длинные, что ему сразу представилось, как они порхали над его лицом, когда они целовались. Брови ее разделяла неразглаживающаяся складка, как будто она постоянно хмурилась. Наверняка так и было, когда она выхаживала раненых солдат в госпитале. Жаль, что он не знал ее три года назад – сейчас он мог бы определить, какие перемены в ней произошли.

И что переменялось в ней по его вине? Впервые в жизни он пожалел, что не держал свои чертовы брюки застегнутыми. Но как же ему хотелось помнить каждый миг внутри нее!

Размышления его были прерваны появлением последнего участника обеда.

Без грома фанфар, но все же сумев привлечь к себе всеобщее внимание, в библиотеку вошел Лео. До знакомства с ним Стивен не встречал других людей, которые жили бы с такой досужей неторопливостью и беззаботностью, как Лео. Никто не упоминал его фамилии, все называли его просто Лео.

– Мисс Доусон, – заговорила герцогиня, уводя ее от Стивена к его явному неудовольствию, – позвольте представить вам художника, о котором я недавно говорила. Это Лео.

– Очень приятно, мистер Лео.

– Просто Лео, – лениво произнес тот, взял ее руку и поднес к губам.

Стивен почувствовал, что его рука, не сжимавшая рукоять трости, сжалась в кулак. Ему захотелось отдернуть руку мисс Доусон от губ Лео. Что это на него нашло? Никогда раньше он не ревновал своих женщин, потому что всегда мог без труда найти замену любой. У него были любовницы, а не возлюбленные. Он никогда не тратил силы на то, чтобы женщина доставляла удовольствие только ему, потому что очень быстро начинал скучать. Он предпочитал разнообразие.

– Ваш приезд стал настоящим праздником для герцогини, – пробормотал Лео. – Что не может не радовать меня. Спасибо, что приехали.

Айнсли бросил на Стивена саркастический взгляд. Их мать радовалась, потому что, как ей казалось, Стивен начал постепенно приходить в себя. Придется улучшить минутку и открыть ей правду. Не впервой ему разочаровывать ее.

– Должен признаться, меня гложет любопытство. Прежде чем спуститься, я взглянул на малыша. Он – само очарование, – промолвил Лео.

– Спасибо. Но это не моя заслуга. Он весь в отца.

– Да, сходство поразительное.

– Лео – мастер подмечать особенности человеческой внешности. Он настоящий художник. Если Лео видит сходство, можно не сомневаться, что оно есть, – сообщила герцогиня. В голосе ее была слышна нескрываемая гордость за невероятный талант любовника, как будто талант этот позволял ему снимать для нее звезды с неба.

Айнсли, стоявший рядом со Стивеном, тихонько застонал и прошептал:

– Это она для меня сказала.

– Чтобы развеять твои сомнения насчет отцовства мальчика? – уточнил Стивен.

Айнсли пожал плечами:

– Мать умеет настоять на своем.

– Вам нравится ваше занятие? – спросила мисс Доусон у Лео, и в ее глазах блеснули искорки, отчего кулаки Стивена снова сжались.

Она что, флиртует? Почему она так свободно держится с художником, тогда как с ним довольно скованна? Да что же, черт возьми, за отношения у них были?

– Очень нравится. – Лео, дотронувшись пальцем до ее подбородка, легонько повернул ее голову так, чтобы она смотрела на потолок в дальнем углу. – Мне хочется написать ваш портрет, мисс Доусон.

– Если только этим все ограничится, – буркнул Стивен.

– Стивен! – укоризненно произнесла герцогиня.

Лео усмехнулся.

– Зачем мне желать чего-то еще? У меня уже есть женщина, которую я люблю. Больше мне не нужно.

– О, Лео! – Герцогиня явно хотела упрекнуть и его, но в ее голосе прозвучали удовольствие и игривость женщины вдвое младше ее. – Не пора ли к столу?

– Да, конечно, – сказал Стивен.

Он взял у мисс Доусон стакан и, изловчившись, поставил его на ближайший столик. Повернувшись, он увидел, что Айнсли уже положил ее руку на свою, согнутую в локте, и повел ее из комнаты, что-то нашептывая на ушко.

Внутри у Стивена все сжалось. Он знал, что брат никогда не разболтает чужого секрета, не расскажет ей об истинной глубине ран Стивена, и все же ему было неприятно видеть их вместе. Так же, как ему было неприятно то, что его оставили одного. С некоторых пор одиночество стало его раздражать.

У него появилось предчувствие, что обед будет ему не в радость.

Герцогиня распределила места за столом так, что Мерси оказалась между герцогом, восседавшим во главе стола, и художником, который сидел рядом с герцогиней, занимавшей противоположный от герцога край. Пальцы художника то и дело скользили по руке герцогини, и не случайно, – в этом Мерси нисколько не сомневалась. То когда он брал вино, то когда подзывал слугу. Постепенно попытки скрыть близость сошли на нет, и Лео просто переплел свои пальцы с ее пальцами и гладил ее руку, когда подавали блюда, вкуснее которых Мерси ничего не пробовала.

Мерси поняла, что Лео, говоря, что влюблен, имел в виду герцогиню, отчего ей стало одновременно и радостно, и горько. Она почувствовала себя глупо оттого, что не догадалась об этом раньше, но еще ей захотелось услышать подобное признание от майора Лайонса.

Не то чтобы оно могло когда-нибудь прозвучать. Даже в госпитале, когда им случалось на пару минут остаться наедине, они всего лишь разговаривали, не более того. Он ни разу не попытался поцеловать ее. Она убеждала себя, что его сдерживало уважение к ней, хотя подозревала, что виной тому была ее простоватая внешность. Или рост, который иногда заставлял мужчин чувствовать себя рядом с ней неловко. Или жуткий цвет волос. А может быть, он видел, насколько она была предана делу, которым занималась.

Как минимум три сестры, хихикая, рассказывали о том, что целовались с ним. Одна получила от него гораздо больше. О, он не был святым! И она не могла винить его в том, что он искал удовольствий, когда каждый день его могла ждать смерть в бою. Да и ее нравственные ориентиры дали сбой. Она ловила каждое его слово, радовалась любому знаку внимания, молилась о том, чтобы их отношения переросли в нечто большее.

Крым не был похож на Англию. Там не было чаепитий, балов и пожилых компаньонов, сопровождающих юных невинных леди. Да и невинных леди там не было. Тонкокожие и особо чувствительные там не задерживались. Раны необходимо было перевязывать, а они не всегда были в удобных местах. Мужчин нужно было мыть, поворачивать, кормить. Они требовали ухода и днем и ночью. И каждый из них нуждался в ласковом прикосновении, в добром слове.

Она вспомнила день, когда он проводил ее до дома, где жили сестры. По дороге они заговорили о литературе, и он заявил, что считает романы Джейн Остен ерундой. Мерси встала на защиту писательницы, которая писала о любви и человеческих пороках.

В конце концов Мерси спросила: «Если, по-вашему, ее книги ерунда, почему, скажите на милость, вы их читаете?»

Он подмигнул ей и ответил: «Потому что они нравятся женщинам, и это помогает поддерживать разговор».

Теперь же, сидя напротив нее, он наблюдал за ней, и в его глазах все отчетливее проявлялось замешательство, и ей подумалось: не начал ли он вспоминать подробности их связи? От этого предположения у нее слегка покраснели щеки.

В алом военном кителе он казался Мерси совершенно неотразимым, а теперь она вынуждена была признать, что в вечернем наряде он нравится ей еще больше. Белоснежные рубашка и бабочка казались ослепительными на фоне черного костюма. Он позаботился о прическе, заметила она, и волосы частично прикрывали шрам на его лице, чтобы он был менее заметен. Наверное, она не должна была его винить за слишком пристальное внимание к этому шраму, но, по ее мнению, он был чем-то вроде почетного знака, свидетельствующего о мужестве, и этот знак был важнее любого ордена.

Волосы, вьющиеся на концах, были длиннее, чем раньше. Джон унаследовал кудрявость от отца. Правда, его волосы были светлее отцовских. «Интересно, – подумала она, – потемнеют ли они с годами, приобретут ли такой же оттенок, как у майора Лайонса?» Наверное, да. Глаза у него уже стали такими же голубыми, как у отца, но, к счастью, сохранили невинность, которую майор Лайон утратил.

Зажженные свечи на столе заставляли тени трепетать на его лице, подобно садовым нимфам, играющим среди цветов. Но ее причудливые фантазии мало соответствовали твердым, простым линиям его лица. Они были вырезаны главным скульптором из человеческой плоти, а потом закалились в жестокостях войны. Возле уголков глаз и губ кожу прорезали глубокие морщинки, которых не было, когда она видела его в последний раз. Они говорили о стойкости, выносливости и пережитой боли. Он страдал, и она подозревала, что боль была не только физической. Душевные страдания истощили его.

Он заботился о своих людях. Как только его раны стали затягиваться, он начал ходить по отделениям госпиталя, навещая солдат почти так же часто, как сама мисс Найтингейл. Болезни отняли гораздо больше жизней, чем неприятельские пули или сабли, и он постоянно рисковал подхватить какую-нибудь хворь, потому что не ограничивался посещением только тех, кто был ранен в бою под его командованием. Его слова, сам его голос вселяли боевой дух даже в сломленных и подавленных. А он говорил, что их командиры разбили Наполеона, победят они и в Крыму.

Неудивительно, что все сестры были влюблены в него. Неудивительно, что их единственная встреча значила для нее так много. Она знала его как человека, у которого сердце размером с материк, а заботливости больше, чем воды в океане.

Однако, несмотря на то что между ними произошло, теперь она почти не сомневалась, что была всего лишь очередной женщиной, которая прошла через его объятия и которой он шептал ласковые слова. Сейчас он смотрел на нее как на незнакомку. Однако же она не собиралась выбрасывать их связь на свалку бессмысленных встреч. Ради Джона. Она будет продолжать думать, что то доброе, что есть в этом человеке, заслуживает ее неизменного и искреннего внимания.

– Вы скучали по Англии, когда были за границей, мисс Доусон? – спросил герцог, и она выбрала себя за то, что вздрогнула, когда густой голос неожиданно вторгся в ее мысли.

– Даже больше, чем ожидала.

– Зачем вы сделали это, мисс Доусон? – поинтересовалась герцогиня. – Зачем вам понадобилось следовать за мисс Найтингейл?

– Я сочла это достойным занятием, и я... У меня не было других дел, которые казались бы мне более важными.

У нее не было поклонников. Занимаясь хозяйством в отцовском доме, она почти разочаровалась в жизни. К своему стыду, теперь Мерси не могла не признать и того, что ее тянуло к приключениям. Такая простая причина. Но внезапно появился повод удовлетворить свою тягу – война. А вместе с ней – горе и страдания.

– Расскажите, каково это на самом деле, – попросила герцогиня.

– Нам обязательно об этом говорить? – отозвался майор Лайонс, прежде чем Мерси успела открыть рот. – Я уверен, мисс Доусон не меньше моего устала от разговоров о войне.

– Прости. Разумеется. Нет причины лишней раз вспоминать то, что вы пережили.

Мерси могла поклясться, что майор Лайонс задрожал. Во всяком случае, рука его дрожала, когда он поднял и осушил бокал с вином. Несколько странная реакция, но не стоит забывать, что он, несомненно, пережил намного больше ужасов, чем она.

Он побывал в самой гуще, в то время как она все время оставалась на краю и имела дело лишь с последствиями. Удовольствия мало, но ей не приходилось каждый день испытывать леденящий страх от риска быть убитой.

– Родить Джона было трудно?

– Господи боже, мама! – воскликнул майор Лайонс. – Неужели вы постепенно превратились в варвара, пока меня не было в Англии? Разве за обеденным столом о таком говорят? Да и вообще, к чему эти разговоры?

– Почему бы тебе самому не предложить тему для обсуждения? – произнесла герцогиня.

К немалому удивлению Мерси, глаза герцогини торжествующе засветились, и Мерси стало понятно, что она наверняка специально затронула эту тему, чтобы вывести сына из состояния мрачной задумчивости. Оставалось надеяться, что его молчаливость не являлась чем-то для него необычным и не была вызвана неожиданным появлением Мерси. Но что было странного в том, что его преследуют ужасы войны?

Каждый день для нее был борьбой. Если бы не Джон, она, наверное, иногда и не вставала бы с постели. Бывало, мысленно бродя по госпиталю, она чувствовала себя совершенно беспомощной и слабой. Джон всегда помогал ей отвлечься от этих гнетущих путешествий в прошлое, которое она не могла изменить.

Что отвлекало майора Лайонса от подобных призрачных прогулок по полю боя? Глядя, как он осушает очередной бокал вина, она подумала, что ответ может находиться на дне этого сосуда.

– Погода, – бросил он.

– Погода ужасная, – отозвалась герцогиня. – К тому же это скучно. Выбери что-нибудь другое.

Он прищурился и посмотрел сначала на мать, потом на Мерси, словно это она была каким-то образом виновата в том, что за столом воцарилась такая странная атмосфера. Несомненно, в этом он был прав.

– Вы играете на фортепиано, мисс Доусон? – спросил Лео.

Она тут же повернулась к нему, благодарная за этот простой вопрос, и усмехнулась. Краем глаза она заметила, что выражение лица майора Лайонса сделалось еще более убийственным. Господи, что же его мучает?

– Когда-то играла, но в последний раз мои пальцы касались клавиш несколько лет назад. – Майор Лайонс издал какой-то булькающий звук, как будто подавился вином. – Боюсь, что я уже совсем разучилась играть.

Лео улыбнулся.

– Я думаю, вы скромничаете. Пожалуй, нужно будет вас как-нибудь послушать. Знаете, я весьма силен в дуэтах и без труда смогу скрыть любые ваши оплошности.

– Зачем ставить ее в неудобное положение? – спросил майор Лайонс. – На ее долю и так достаточно унижений выпало.

Мерси обомлела. Желудок ее как будто сжался. Еда, которой она только что наслаждалась, запросилась обратно в тарелку.

– Стивен, как ты можешь?! – изумилась герцогиня. – Немедленно извинись.

– За то, что говорю правду? – Он поднялся так стремительно, что его стул едва не отлетел в сторону. Будь этот предмет мебели сделан не из такого крепкого, тяжелого дерева, заметила Мерси, он наверняка опрокинулся бы. – Вы все делаете вид, будто ничего не случилось. Но я причинил этой девушке самое настоящее зло. Свое доброе имя ей уже не вернуть. Теперь единственное ее спасение – выйти замуж за меня, и вы все прекрасно знаете, что это безумие.

Пока все ошеломленно молчали, он стремительно вышел из комнаты. Мерси захотелось догнать его, извиниться, признаться во всем. Она тоже ничего не поняла. Почему он думает, что, если она выйдет за него, это будет трагедией? Безумие? О чем это он?

Может быть, он страдает от ран, которые не видны?

Но ей было все равно. Ничто не могло заставить ее отказаться выйти за него, если он согласится взять ее в жены. Оставалось только убедить его сделать это.

Айнсли прокашлялся и сказал.

– Я должен извиниться за брата. После возвращения домой он немного не в себе.

– При всем уважении, ваша светлость, я думаю, он *как раз в себе*. Просто он уже не тот человек, которого вы знали до его отъезда. Да и разве мог он остаться прежним? Он прошел через такой ужас, которого, я надеюсь, вы и представить себе не можете. – Смутившись своей грубоватой откровенности, Мерси отложила салфетку и встала. Мужчины тут же сделали тоже самое. – Прошу меня простить. Мне нужно к Джону.

Она удивилась, как легко ложь слетела с ее языка. Ей ужасно захотелось выбежать из комнаты, но она заставила себя выйти спокойно, как леди, а не как невоспитанная девчонка. Ей нужно было произвести хорошее впечатление на этих людей, но в ту минуту она могла думать только об одном: где его искать?

В библиотеке. Он стоял у окна, всматриваясь в ночь, со стаканом в руке. Графин со спиртным стоял рядом. Сердце ее заколотилось, и ей показалось, что шаги ее зазвучали как-то особенно громко, когда она пересекла просторную комнату и остановилась рядом с ним. На лице его мука боролась с яростью. За столом он смотрел на нее так, что не оставалось сомнений: он вспомнил ее и знает о ее двуличности. Теперь он заберет у нее Джона. Нужно было с самого начала сказать ему правду. Оставалась надежда, что, если теперь быть с ним совершенно откровенной, ей будет позволено остаться с дорогим ее сердцу малышом.

– Майор Лайонс...

– Черт возьми, Мерси, если вспомнить, насколько близки мы были, я думаю, нам лучше называть друг друга по имени!

Чувство облегчения накатило на нее с такой силой, что она едва удержалась на ногах. Он не вспомнил обстоятельства той единственной ночи, которую они провели вместе! Значит, другая причина заставила его встать из-за стола. Невероятным усилием воли она заставила себя устоять на ногах.

– Я знаю, непросто слышать, когда другие вот так беспечно рассуждают о войне, – тихо произнесла она, охваченная желанием утешить его, заключив в объятия, как когда-то поступил он с ней. Но ее слишком страшила возможность встретить отпор. – И, несмотря на все старания корреспондентов, которые так страстно описывают невыносимые условия, в которые попадают наши солдаты, слова на бумаге – это совсем не то, что кровь на руках. Члены вашей семьи не были там. Они не могут знать, как вы страдали.

– Но вы были там, – ровным голосом проговорил он, глядя в темноту за окном. – Вы знаете.

Она кивнула. Врачи, сестры, солдаты – все они думали исключительно о физических ранах, о тех, которые можно увидеть, существование которых не вызывает сомнения, но Мерси была уверена, что есть и другие, невидимые раны, которые тоже нужно лечить. Скольких мужчин она знала, которые, казалось бы, шли на поправку, но умерли? Она вспомнила

один случай, когда солдат жаловался на такую боль в руке, что не мог удержать ружье, хотя многочисленные обследования не обнаружили источника боли. Его объявили симулянтом и трусом, но Мерси была уверена в том, что он на самом деле испытывал боль. Человеческое тело – не часы, которые можно без труда открыть, чтобы изучить работу механизма. На ее глазах люди умирали даже от незначительных ран. Но еще она видела, как выживали буквально разорванные в клочья солдаты. Она была уверена, что нечто – либо душа, либо сердце, либо дух – придает телу способность восстанавливаться после страшных ран.

– Мне кажется, постоянный страх смерти не проходит даром, – продолжила она. – По моему, борьба с испытаниями, которым мы подвергаем друг друга, влияет на нас, как ничто другое. Это подтачивает нас, хотя сами мы этого не замечаем. У меня бывало такое, что, если бы не Джон, я вообще не вставала бы с кровати.

Немного развернувшись, он прислонился спиной к оконной коробке. Наверняка острый край впивался в тело, но он, казалось, не обращал на это внимания. Или, быть может, ему было нужно это неудобство, чтобы сосредоточиться на настоящем, а не погрузиться в ужасы прошлого. Иногда она сама, просыпаясь, думала, что находится в Ускюдаре. Несмотря на то что она там сделала много добра, вернуться туда ей не хотелось даже во сне.

Под его пронзительным взглядом она почувствовала себя неуютно. Что он хотел в ней высмотреть?

– Почему вы оставили его? – спросил он. – Ребенка. Можно было найти ему хорошую семью.

– Потому что он ваш.

– Вы это говорите так, будто печетесь обо мне. Вам не кажется, что чувство, которое испытывали вы, которое испытывал я, было рождено обстоятельствами того места, где мы находились? Что все это было не по-настоящему.

– Это было по-настоящему. Господи боже мой, как бы мне хотелось, чтобы ничего этого не было! Крови. Грязи. Мужчин, в слезах зовущих матерей и жен. Ни один из ужасов этого страшного места не умаляет того, что я чувствовала – чувствую – к вам. Все это научило меня понимать, что жизнь невероятно хрупка, что никто не может поручиться за будущее и решения нужно принимать, основываясь на том, что мы знаем сейчас, в эту самую секунду.

Он поставил на стол стакан, а потом протянул руку и приложил ладонь к ее щеке, стерев пальцем слезинку, которую она даже не заметила. Движение это было таким знакомым, что у нее защемило сердце. Так он сделал и в Ускюдаре перед тем, как заключить ее в объятия, которые стали для нее безопасной гаванью.

– А что вы знаете сейчас?

– Что вы – самый удивительный человек из всех, кого я встречала.

Его большой палец замер.

– Вы знаете, что братья записали меня в армию, потому что считали бесхарактерным? Потому что больше всего на свете я ценил женщин.

– А женщины ценили вас больше, чем других мужчин.

Его глаза раскрылись чуть шире.

– Вряд ли во всем Ускюдаре была хоть одна сестра, которая не думала, что влюблена в вас. Вы обладаете способностью, улыбаясь женщине, заставляя ее думать, что так вы не будете улыбаться ни одной другой.

– Так это моя улыбка уложила вас в мою постель?

И снова надежда на то, что она для него нечто большее, нежели очередная покоренная женщина, разлетелась на острые осколки. Когда он прикасался к ней, когда она находилась настолько близко к нему, что могла заглянуть в голубые глубины его глаз и впитать их красоту, ей было очень просто забыть, что она для него ничего не значит. Да, она преклонялась перед ним за его силу, за бескорыстие, за готовность помочь, но явно неправильно поняла

его отношение к ней. Посчитала себя чем-то бóльшим, чем была на самом деле. Но разве имеет значение, какое место занимает она в его сердце, если он так решительно проник в ее сердце?

Она медленно покачала головой, не в силах выдавить игривую улыбку, которую он явно ждал от нее. Могла ли она улыбаться, когда у нее разрывалась душа?

– Нет. Не улыбка.

Его вторая рука, такая же большая и сильная, как первая, поднялась. Взгляд пробежался по ее лицу и остановился на губах. Те затрепетали и приоткрылись. В его глазах Мерси увидела интерес, любопытство и... желание.

– Значит, поцелуй?

Прежде чем она успела сообщить ему, что он покорила ее не поцелуем, Стивен именно это и сделал. Его губы весьма откровенно прилепились к ее устам. Она замерла, когда он протолкнул язык ей в рот и прошелся бархатом по шелку, а потом, когда его уверенность покорила ее, расслабилась. Он не принуждал, он приглашал. И она приняла приглашение. Его вкус был богатым и мощным, вино и виски, и он ввергал ее в темноту, такую же дурманящую, как ласки его языка. Он брал то, что хотел, но не грубо. Он заставлял дрожать каждый ее нерв, каждый дюйм ее тела трепетал, как будто он медленно гладил ее всю.

Тысячу раз она представляла себе, как его неистовая сила сметает ее, когда ходила по узкому проходу между рядами коек и помогала другим мужчинам, когда готовилась покинуть Ускюдар из-за скорого рождения Джона, когда плыла по разъяренному морю на корабле, когда ехала на поезде в Париж. Майор Стивен Лайонс никогда не покидал ее мыслей надолго.

И все же, несмотря на все свои фантазии, она оказалась не готова к его властному поцелую, обрушившемуся на нее с таким нетерпением и с такой жадностью. Она ответила на него с таким же неистовством. Жизнь коротка, возможностей не так много, и она мечтала об этой близости слишком долго, чтобы теперь скромничать. Она таяла в его объятиях, и ей показалось, что после долгого путешествия она вернулась домой, а может, в то место, где одна ночь с ним заставила ее ощутить, что жизнь наполнена смыслом. Когда его руки сомкнулись сильнее, прижимая ее еще крепче, она поняла, что всю жизнь прожила ради этого мгновения. Той далекой ночью, заглянув в его глаза, она увидела сострадание и доброту. Она знала о его мужестве, видела, как бескорыстно он предан своим людям.

Бесхарактерный человек? Если он и правда когда-нибудь был таким, наверняка эта его часть осталась на английских берегах, когда он сел на корабль, который повез его на восток.

Она боялась, что воспоминания о ней Стивен оставил в Ускюдаре, но он поцеловал ее так, словно хорошо знал ее рот. Ни одну его часть он не заставил ждать внимания. Его глухой стон окружил их эхом, и его поцелуй, который, как ей казалось, не мог стать более глубоким, сделался еще глубже. По ее телу разлился сильный жар. При других обстоятельствах она решила бы, что неожиданно заболела. Живот свело, между ног потеплело от предвкушения еще большего удовольствия и последующего финала.

Тяжело дыша, он оторвался от ее рта. Она едва не задохнулась, когда его горячие влажные губы добрались до ее уха и стали смаковать чувствительную точку под ним. Ей нужно было сказать, что не его поцелуй соблазнил ее раньше, но он не оставил ей сил даже на слова. Удивительно, что она все еще держалась на ногах. Если бы не его крепкие руки, она, наверное, лежала бы на полу шелковистым озерцом горячего желания.

Потом его губы вернулись к ее устам, уже ждавшим их. Она жаждала этого, жаждала любого его внимания. Поцелуя, прикосновения и... да, даже большего. Она зашла слишком далеко, слишком многим рискнула, пожертвовала своим добрым именем. Терять ей было нечего, но обрести она могла все. Она могла сказать ему, что любит его, потому что любила. Мужчина, которого она встретила так далеко отсюда, в чужеземной стороне, был достоин ее преданности.

Возможно, ее он не находил запоминающейся, но она знала, что его не забудет никогда.

Она услышала, как на паркетный пол упали заколки, и почувствовала, что волосы рассыпаются по плечам. Он запустил пальцы в их пряди...

Его рот оторвался от нее так неожиданно, что она вздрогнула. Лоб его в смятении наморщился, дыхание стало таким тяжелым, как будто он только что взбежал на гору. С ней происходило то же самое. Сердце ее то замирало, то едва не выскакивало из груди. Ей хотелось снова почувствовать его губы. Ей хотелось, чтобы он обнял ее еще крепче и выбросил ключ от комнаты.

– Ваши волосы... Они короткие.

Сейчас они были значительно длиннее, чем раньше, но далеко не такие длинные, как когда-то. Но какое это имеет значение? Эти бессмысленные слова вырвали ее из колодца чувственности, в который она провалилась.

– Паразиты. Было трудно уберечься от паразитов. Рядом с ранеными... Они еще не успели отрасти... Их нужно было обрезать...

Он так резко ее отпустил, что она пошатнулась. Да что же это она все об этих проклятых волосах? Нужно просто шагнуть к нему, пока чары не развеялись окончательно.

– Боже мой, я забылся, – промолвил он голосом, хрипловатым от неосуществленных желаний. – Прошу меня простить.

Прежде чем она успела сказать, что ему не за что просить прощения, он подхватил трость, прислоненную к стене и, не произнеся более ни слова, поспешил к двери. Хромота его была как никогда заметна.

Она сделала ему больно, вынудив поддерживать себя или прижимаясь? Или он с ней играет? Почему он ведет себя так, будто не знает, что никогда раньше не целовал ее? А может, он наконец возжелал ее так же, как желала его она?

Она смешалась, испугалась. Почему он повел себя так, будто совсем не знал ее?

– Стивен?

– Мне нужно идти.

И с этими словами он вышел из библиотеки.

Мерси какое-то время постояла, потом стала приводить себя в порядок. Взявшись за короткие пряди волос, она попыталась понять, почему он так всполошился, их увидев. В госпитале, когда она его выхаживала, они были еще короче. Он вел себя так, словно вообще ее не помнил. Слезы обожгли глаза. Неужели она *абсолютно* ничего для него не значила?

Где-то в отдалении хлопнула дверь. Она поспешила в том направлении, откуда донесся звук.

– Вы видели майора Лайонса? – спросила она первого встретившегося ей по дороге слугу.

– Да, сударыня. Он взял пальто и ушел.

К тому времени, когда она выбежала на порог, он в развевающемся пальто уже скакал галопом прочь от дома. Ей захотелось сидеть на лошади рядом с ним. Она, несчастное маленькое существо, хотела его и довольствовалась бы даже толикой его внимания, которое он так легко и щедро дарил другим женщинам.

Почему он избегает ее?

Глава 3

Ему хотелось одного: войти в женщину, в одну, вторую, третью. Войти и забыть... что он чего-то не может вспомнить.

Так почему же, черт возьми, он не повернул лошадь к ближайшей деревне, где всегда в таверне можно найти покладистую девицу? Зачем он как сумасшедший несся в открытое поле, где не обрести утешения? Потому что он не мог уложить в койку другую женщину, когда мать его ребенка пахла так заманчиво, улыбалась так нежно, смеялась так мило.

Смех ее стал последней каплей. Ему отчаянно хотелось вспомнить, слышал ли он его раньше. Смеялись ли они в постели? Стеснялась ли она близости?

У них была всего одна ночь. Нужно будет спросить у нее почему.

Он оставил ее, чтобы перелететь на другой цветок, или пушки вырвали его из ее постели?

Он сидел за этим чертовым столом и рассматривал внимательно ее лицо, каждое движение, каждое выражение, каждую черточку. Он не был жадным. Ему хватило бы малого.

Он наблюдал за ее пальцами, когда они реяли над столом, тянулись за хлебом, брали вилку, держали нож, подносили бокал с красным вином к губам, и думал о том, как они могли прикасаться к его телу, доставлять удовольствие. Ему хотелось, чтобы они снова прикасались к его коже, ласкали, гладили. Ему хотелось знать, называл ли он ее каким-нибудь ласкательным именем, и если да, то каким. Может быть, он звал ее Рыжиком – из-за цвета волос? Подсмеивался ли он над ней из-за их цвета или не замечал его, видя только ее глаза?

Смотрел ли он в них до того, как война уничтожила в них невинность? Или же всегда знал их такими, какими они были сейчас, с мрачными тенями, которые то набегали на них, то исчезали. Он видел, как она сжималась от назойливых вопросов его матери, и, хотя сам отчаянно хотел знать ответы, вынужден был остановить допрос. Когда-то он знал, что у нее на уме. Когда-то ее мечты и надежды не были для него загадкой.

Почему она с ним держится так скованно? Они расстались, поссорившись? Или он разбил ей сердце? Она не ответила на поцелуй так, как он рассчитывал. Да, она охотно приняла его, но в ней чувствовалась какая-то робость. Возможно, это из-за того, что они не виделись уже очень давно. Он надеялся, что поцелуй этот разбудит его память, но еще больше он хотел просто поцеловать ее, узнать, как это на него подействует.

От этого поцелуя у него чуть пол не ушел из-под ног. Подобного он не испытывал раньше ни с одной женщиной. Ни одна не пробуждала в нем желания немедленно предаться удовольствию. Ему не хотелось, как с другими женщинами, затевать флирт, оттягивая развязку. Он хотел подхватить ее и отнести наверх, в свою спальню. Хотел оказаться с нею в таком месте, где их наверняка никто не побеспокоит. Он почти забыл, что привело ее в Грантвуд Мэнор.

Когда-то они уже были близки. Заметит ли она его неуверенность? Были ли у них в ходу какие-то особенные, понятные только им шутки? Нравилась ли ей какая-то поза больше других? Что ей не нравилось? Поймет ли она по его действиям, что он совсем ее не помнит?

Что он знал о ней? Что знала о нем она?

Неосведомленность за каких-то несколько часов едва не свела его с ума. Ему следовало поговорить с ней откровенно, все рассказать. Тогда она уже не будет так очарована им. По крайней мере, когда узнает правду. Что он может дать ей? Брак? Свою фамилию?

Напряжение, пронизывавшее столовую, было почти невыносимым. Все ждали подтверждения его возвращения к нормальному состоянию. Родственники из кожи вон лезли, чтобы втянуть в разговор его и мисс Доусон. Родственники, которые в любом обществе чувствовали себя как рыба в воде, сегодня оказались в тупике. У Айнсли язык без костей, мать

же считала себя настоящим мастером обходить острые углы и избегать скандалов – когда ей это было выгодно, при этом незаметно, исподволь заставляя собеседников открывать ей свои самые темные секреты – если это было ей интересно. За обедом мисс Доусон заикалась, как школьница на первом чаепитии.

Она все время ерзала на стуле, явно желая оказаться где-нибудь в другом месте. Она избегала его прямого взгляда, больше рассматривала свой столовый прибор и посуду, как будто в первый раз увидела фарфор и столовые ножи и хотела разгадать загадку каждого из этих предметов.

Своим настырным взглядом он заставил ее почувствовать себя неловко, но отвести от нее взгляд было невозможно.

Не помогала и адская боль в ноге. Доходило до того, что само прикосновение брюк к ноге становилось невыносимым. Верховая езда была настоящей пыткой, но он отчаянно хотел вырваться оттуда. Мать считала, что он должен жениться на девушке, которая служила постоянным напоминанием о том, что он потерял.

Но он не мог жениться на ней, не открыв всей правды о своем недуге (было бы несправедливо по отношению к ней не сообщить, что он – неполноценный человек), и тогда она стала бы смотреть на него с жалостью, что он так ненавидел. Возникнут и другие сомнения. Что, если потеря памяти была связана не с войной, а с каким-то внутренним недостатком – возможно, с безумием?

Пошел дождь. Капли застучали по пальто, выбивая мерную дробь, и от этого цокот копыт, споро уносящих его от Грантвуд Мэнора, становился еще призрачнее. Ему хотелось оказаться от него как можно дальше, скакать еще быстрее. Но он знал, что ему придется вернуться и сделать выбор. Даже если они не поженятся, он должен будет заняться устройством судьбы мальчика и ее самой. Какая жизнь ее ждет? Мужчины будут смотреть на нее как на потаскуху. Никто не захочет взять ее в жены. Стивен обречет ее на одинокую жизнь. Она заслуживает лучшего.

Разве нет? Все его выводы были основаны на нескольких часах наблюдений за ней. Что ему на самом деле было о ней известно? Вдруг Айнсли лучше ее понял? Мысли его затуманивались с тех пор, как он очнулся в том чертовом военном госпитале.

Он направил лошадь на холм. Наверху натянул поводья, остановился и спрыгнул с лошади. Правая нога его подогнулась, и колено врезалось в землю. Всю ногу как будто обожгло огнем, и он взревел от боли и обиды громче грома, который в ту же секунду прокатился по небу. Он погладил ногу, пытаясь облегчить боль, но от прикосновения она только усилилась, как будто он вонзил в ногу нож.

Ему не были бы так ненавистны шрамы и боль, если бы он знал, что тот, кто это с ним сделал, получил не меньше.

Совсем недавно он уже почти перестал думать о загадке последних двух лет. Он не смог их вернуть, но, может быть, просто не хотел этого. У него было одно желание: выздороветь и зажечь собственной жизнью. Но потом появилась мисс Доусон – Мерси, – и вдруг эти последние два года стали невыносимо важными. Какие еще тайны скрывало прошлое в своих темных глубинах? Были ли другие дети, другие женщины, которых ему стоило помнить? Или она была единственной?

Всего одна ночь с одной женщиной. Маловероятно. По крайней мере, для двух лет. С его неуемным аппетитом на женщин. До пробуждения в госпитале на убогой койке он и ночи не мог провести без какой-нибудь соблазненной им красавицы. Она ожидала, что он откажется от еженощного веселья?

Вынужденный брак не мог быть целью его жизни. Он подозревал, что и ее тоже. Она, наверное, мечтала о прочувствованных признаниях и преклоненном колене. Стивен же наме-

ревался умереть холостяком. У него не было ни титула, ни богатств – ничего, что можно было бы оставить наследнику, которого у него тоже не было.

Но неожиданно у него появился сын. И женщина, чье доброе имя он очернил своими поступками.

Проливной дождь не мог смыть сомнения и бремя ответственности. Ему придется принимать решение. Завтра он сделает предложение мисс Доусон. Наверняка это будет нетрудно. Поцелуй в библиотеке показал, что между ними пробежала искра, которая при должном подходе может превратиться в ревущее пламя. Быть может, как только она узнает о его благородных намерениях, их отношения снова станут непринужденными, как прежде? Возможно, если притвориться, что все хорошо, все на самом деле наладится.

С трудом преодолевая боль, он стал на обе ноги. С такой ногой он без трости превращался в настоящего калеку. Пытаясь удержать равновесие, он сделал шаг к лошади. Та испуганно шарахнулась в сторону. Он чертыхнулся и попытался ее приманить. Но в этот миг в небе снова громыхнуло, и лошадь бросилась наутек.

Запрокинув голову, он подставил лицо под хлесткие струи дождя. При все усиливающейся боли в ноге он не дойдет до Грантвуд Мэнора. Без лошади не обойтись. И зачем вообще его черт дернул слезать с нее? Пульсирующая боль, которую он чувствовал, сидя в седле, была ничем по сравнению с тем, что он испытывал теперь.

Собравшись с духом, Стивен сделал глубокий вдох и, пытаясь не обращать внимания на сжигающий ногу огонь, поковылял вслед за лошастью.

– Что ты думаешь о девочке? – спросила Тесса Сеймур, герцогиня Айнсли.

– На холсте она будет смотреться замечательно.

Герцогиня, сидевшая за туалетным столиком, повернулась и посмотрела на юного светлокудрого Адониса, лежавшего в ее кровати в ожидании, когда она закончит обычные приготовления на ночь. Многочисленные кремы, которыми она умащивала лицо, шею и руки, помогали ей не выглядеть на свои сорок семь.

– Лео!

Она не стала скрывать, что его ответ ей не понравился. Он требовал предельной откровенности в их отношениях. Поначалу это ее пугало, но теперь она понимала, каким мудрым было это решение. Это давало ощущение свободы, и постепенно она поняла: что бы ни произошло, он всегда ее простит, несмотря ни на что.

Он пожал плечами.

– Думаешь, она может его спасти?

– Я надеюсь на это. Он выглядит таким потерянным! Хоть Вестклифф и Айнсли ничего не говорят, я знаю, что они винят себя за то, что случилось со Стивеном. В конце концов, это же они купили ему офицерский чин!

– А королева отправила его туда, куда отправила. Никто не мог предположить, что конфликт с этой чертовой Россией перерастет в затяжную войну.

Что верно, то верно. Газеты переполняли репортажи с театра военных действий. И списки погибших. Бесконечные списки. Телеграф как будто уменьшил мир. Никогда еще известия о войне не приходили так быстро.

Увидев его имя в списке погибших, она чуть не умерла от горя. Мать не должна иметь любимчиков среди детей, но он у нее был любимым сыном. Стивен. Она любила его отца всем сердцем, всем своим естеством. Граф Линнфорд. С ним она состояла в тайной любовной связи, когда была замужем за графом Вестклиффом. Стивену она так и не рассказала, кто его настоящий отец.

Когда он был маленьким, ее останавливал стыд. Когда он повзрослел, страх навсегда замкнул правду в ней.

Даже Линнфорд об этом не знал. Но, поскольку Вестклифф перестал бывать в ее постели сразу после того, как она объявила, что носит их первого ребенка, да так и не вернулся туда даже после рождения наследника, у нее не было сомнений относительно отцовства Стивена.

С известием о смерти Стивена она отправилась к Линнфорду.

– Ты должен ехать в Крым. Привезти его тело. Я не оставлю его так далеко от дома.

– Тесса, он хотел бы, чтобы его похоронили рядом с теми, кто сражался вместе с ним.

– Мне все равно, чего он хотел. Называй меня эгоисткой, но сейчас меня интересует только то, что хочу я.

– Это бессмысленная затея.

И она рассказала ему то, что дала себе слово сохранить в тайне от всех.

– Он твой сын.

Пока он плакал, она обнимала его. В один короткий миг она и дала ему сына, и отняла.

Линнфорд признался, что у него возникали такие подозрения, но он был женат и ему не хватило духу попытаться разобраться в этом.

Однако она не считала его трусом. Она считала его человеком, который стремится не причинять боли тем, кого любит.

Когда Линнфорд уже сообщил армейскому начальству, что приедет за телом майора Стивена Лайонса, они узнали, что Стивен жив.

И снова ее сердце разбилось на тысячу кусочков. Сколько раз может материнское сердце разбиваться? Бесконечное множество. Каждый раз, когда ее ребенку бывает больно. Она давно смирилась с этой болью и научилась не показывать ее. Такова материнская доля.

– Ты будешь настаивать, чтобы он женился на мисс Доусон? – Вопрос Лео вернул ее к сегодняшнему дню и нынешнему любовнику.

– Ты слишком высокого мнения обо мне. Я не обладаю такой властью. Мои сыновья сами решают, как поступать. Хотя, думается мне, выбор у него невелик. Если ему что-то не нравится, так это огорчать меня. Так что я еще могу как-то повлиять на него. Джон – его сын, в этом нет сомнений. Я уже вижу улыбку Стивена на его губах. Если он не женится на девочке, это будет бессовестный, отвратительный поступок.

– Отец Стивена на тебе не женился.

Лео цепким взглядом художника увидел то, что она так неистово пыталась скрыть; он понял, что отцом Стивена был Линнфорд.

– Это потому, что тогда я была замужем, и ты это прекрасно знаешь. И зачем только я рассказала тебе о своей неосторожности?

– Я об этом и сам догадался, любовь моя, как и о твоих чувствах к этому человеку. Я все еще мечтаю, что дождусь того дня, когда ты посмотришь на меня так, как смотришь на Линнфода всякий раз, когда он оказывается поблизости.

Сердце ее сжалось. Он просил так мало. Почему она не может полюбить его так же страстно, как любила графа Линнфорда? Тем более что только незрячий не видит, что Линнфорд боготворит свою жену. Когда они были любовниками, он еще не был женат. Когда же она осталась одна, он уже славился безграничной преданностью жене.

Лео протянул к ней руку.

– Иди ко мне. Если позволишь, я сотру грусть с твоих глаз.

Она никогда не могла противиться ему. Грациозно встав, она порхнула к кровати, легла, устроилась рядом с Лео и погладила его по щеке.

– Ты же знаешь, я люблю тебя.

– Но не так сильно, как других.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он приложил палец к ее губам.

– Я не обижаюсь на то, что ты любишь своих детей, а теперь и внуков. Я никогда не стал бы пытаться занять их место в твоём сердце. Я даже не могу обижаться на тебя из-за любовника, который у тебя был в молодости, потому что он дал тебе понять, что значит быть любимой. Но сейчас его здесь нет. Скажи, что не думаешь о нём, когда я тебя обнимаю.

– Когда я с тобой, я не вспоминаю о нём.

– Лгунья, – тихонько шепнул он и попытался сделать так, чтобы в словах, которые она только что произнесла, появилась хоть доля правды.

Глава 4

Стивен, измученный выслеживанием и ловлей бестолковой лошади и последующим возвращением домой, когда каждый удар копыта сотрясал ногу и усиливал боль, подойдя к двери своей спальни и уже положив руку на ручку, услышал детский крик. Он замер.

До этого дня все крыло дома принадлежало ему. Да, он попросил, чтобы Мерси выделили комнату рядом с ним. Он не знал, было ли ей известно, что он живет буквально напротив нее. Несмотря на то что на нем было пальто (Стивен сбросил его вниз), он промок до нитки и озяб. Волосы липли ко лбу, вода струйками стекала с головы на плечи – одним словом, вид у него был не слишком презентабельный.

Детский крик становился все громче. Было очевидно, что Господь наделил мальчонку прекрасными легкими. Что же он так зашелся? Все кричит и кричит.

Стивен пересек коридор и постучал в дверь. Больше в этой части дома никого не было, а сам он никогда не засыпал легко. Можно было просто не обратить внимания на крик, но его беспокоила Мерси. Ему захотелось что-то сделать, как-то помочь ей.

Идиот, лги кому угодно, только не себе. Ты просто ищешь повода снова ее увидеть, несмотря на свой растрепанный вид.

Крик прекратился, но теперь у него не на шутку разыгралось любопытство. Ему сейчас нужно было обсохнуть, успокоиться и принять хорошую дозу лауданума, но он снова постучал в дверь.

– Мисс Доусон?

Он услышал тихие шаги босых ног, потом дверь приоткрылась и в щелочку выглянула она. Брови ее испуганно и обеспокоенно сошлись над переносицей. Вот откуда у нее эта маленькая складочка между бровями! От тревоги складка эта углублялась, а Мерси очень часто тревожилась.

– Что-то случилось? – спросил Стивен.

– Нет. Джон всегда в это время просит есть.

Вдруг он заметил, что смотрит через ее плечо, надеясь увидеть мальчика. Черт возьми, с каких это пор он стал таким любопытным?

– Извините, если он побеспокоил вас. Я думала, это крыло для гостей и здесь, кроме нас, никого нет.

Он решил, что нет никакой необходимости беспокоить ее еще и сообщением о том, что его комната расположена рядом. Все равно он не воспользуется этим выгодным положением. По какой-то необъяснимой причине его успокоила мысль о том, что он будет находиться поблизости, если ей вдруг что-то понадобится. Здесь ей ничто не угрожало, и все же где-то в глубине раскалывающейся от боли головы родилась мысль, что в случае чего он сможет защитить ее. Это желание было вполне естественным, но к этому порыву прибавилось что-то еще, нечто такое, чего он не мог объяснить.

– Может быть, вам что-то нужно? – спросил он.

Она быстро помотала головой.

– Нет, у меня есть помощница. – Она покраснела до корней волос, заплетенных в коротенькую косу. Он представлял себе их гораздо длиннее, укрывающими плечи и ниспадающими на грудь. Эта мысль тут же породила осознание того, что он когда-то прикасался к ее грудям, ласкал их языком, втягивал в рот соски, которые сейчас напряглись под его взглядом. – Джон не голодает.

– Вы наняли кормилицу?

Краска на ее лице сделалась еще гуще, но потом как-то вдруг, разом, отступила. Мерси с вызовом вздернула подбородок, как будто нашла его вопрос в высшей степени бестактным.

– Благовоспитанная дама не... Она не занимается всем сама.

– Довольно странное разграничение.

– Что, позвольте узнать, вы имеете в виду?

Он чуть наклонился к ней, сжав зубы, чтобы не застонать от боли в ноге.

– Благовоспитанная дама не рождает ребенка вне брака.

– Вы были заняты другими делами, так что было не до женитьбы!

Она даже не пыталась оправдать свой поступок, и ему это в ней нравилось. Также он отметил, что ей не по нраву, когда он в чем-то винит ее. Но он не осуждал ее. Он пытался отвлечь себя от мысли о том, что будет, если она окажется в его постели до того, как между ними все прояснится окончательно.

Ему захотелось взять ее за руку и перевести через коридор. Ему захотелось поцеловать ее, запустив пальцы в ее волосы. Захотелось, чтобы она лежала, раскинувшись, на его кровати, слишком утомленная, чтобы шевелиться. Тогда он лег бы с ней рядом, положил на нее голову и... заснул. Что за странная фантазия!

– Прошу прощения. Я сказал это, не подумав. Видимо, я безмерно виноват перед вами. Не хочу к своим грехам добавлять еще один, помешав вам выспаться. Спокойной ночи. – Он развернулся, и тут его нога подкосилась...

Она выбежала в коридор, подхватила его. Одной рукой она поддерживала его под локоть, обхватив за талию другой. Ее запах (аромат лаванды) наполнил его ноздри, а грудь, о которой он только что фантазировал, будь она неладна, прижалась к его руке.

– Вы такой холодный и весь дрожите. Чем вы занимались и где были? – с упреком произнесла она.

– Мне нужно было съездить в одно место. А теперь, если вы меня отпустите и вернетесь к себе, я смогу пойти в свою комнату.

– Я вам помогу. Где она?

Он кивнул на дверь с другой стороны коридора, и глаза Мерси удивленно распахнулись.

– Вы говорили, в доме хватает свободных комнат.

– Так и есть. Я же не виноват, что одна из них расположена напротив моей.

Ее губы дернулись.

– Что тут смешного?

Она покачала головой:

– Я просто вспомнила, что вы сказали мне, когда мы впервые встретились.

Дьявол! У них были близкие отношения не только в спальне. Он не сможет долго обманывать ее, скрывая свой недостаток. Следовало признаться во всем прямо сейчас, но боль в ноге сделалась такой сильной, что он не то что говорить – думать не мог.

– Можете отпустить меня, – выдал он.

В ее глазах читалось сомнение, но она отступила.

– Спокойной ночи, – повторил Стивен.

Мерси лишь вскинула одну бровь и сложила на груди руки, глядя на него с вызовом. Она не больше его верила, что он сможет дойти до своей комнаты, не продемонстрировав свою беспомощность. И все же он был настроен попытаться. Сжав зубы, он сделал шаг вперед...

Его резануло такой болью, что он не смог сдержать стон. Когда его нога подогнулась, Мерси снова подхватила его.

– Не прикасайтесь! – прохрипел он.

Она замерла.

– К чему?

– К ноге. Не выношу, когда к ней прикасаются.

– Но почему? Рана еще не зажила?

– Зажила, только дьявольски болит.

– Я могу посмотреть?

– Зачем это?

– Не знаю, но здесь что-то не так. С тех пор как я увидела ваше имя в списке погибших, прошло достаточно времени, чтобы рана успела как следует зажить. И в таком случае вы не испытывали бы такой боли.

Он покачал головой.

– Обычно она болит не так сильно, но сегодня...

– Я настаиваю. Я должна посмотреть.

Тон у нее был не терпящий возражений, взгляд решительный. Поэтому она оказалось в его постели? Он всегда находил уверенных женщин чертовски привлекательными.

– Хорошо. – Пойдя на эту уступку, он также признавал, что без ее помощи ему до своей комнаты не добраться. Опершись на ее плечо, он позволил Мерси отвести себя в комнату.

Там она помогла ему снять сюртук. Пока она развешивала его на спинке стула, он, стоя у кровати, зачарованно наблюдал за нею. Ему навилась ее деловитость. Заглянув в шкаф, она нашла пару полотенец и вернулась с ними к нему. Она, несомненно, знала, где что искать, потому что в ее комнате стоял точно такой же шкаф.

Взяв полотенце, он стал вытирать волосы, не сводя с нее взгляда и думая о том, скоро ли она поймет, что для того, чтобы посмотреть его ногу, ей придется увидеть еще много чего. Это могло бы даже показаться забавным, если бы его не трясло так сильно от холода и боли.

– Давайте снимем мокрые вещи, – произнесла она ровным, невыразительным тоном, каким с ним разговаривала дюжина сестер и сиделок, без намека на игривость, но его тело тут же отреагировало возбуждением, которое он поспешил подавить. Жилет и бабочка в два счета оказались на полу.

Рубашки он лишился не так быстро. Она взялась за ее низ и начала медленно стягивать через голову. Ее пальцы скользнули по его бокам. Это было настоящее мучение. Она то останавливалась, то продолжала тянуть вверх рубашку, и он понял, что она отмечает про себя шрамы, которые обнажались один за другим.

– Моя грудь, наверное, выглядит не так, как раньше, – негромко произнес он, думая, предавались ли они любви при свете, как ему нравилось.

Наконец рубашка его была брошена на остальную снятую одежду, и Мерси начала осматривать его, водя пальцами над самой кожей. Может, она боялась, что, если прикоснется к нему, он вздрогнет? Скорее всего, так и случилось бы. Его чрезвычайно возбуждало то, что они уже познали друг друга, но он не помнил, каково это. Но еще это было неприятно. Не зная, как он доставлял ей удовольствие, чему мог ее научить и чем еще мог поделиться.

Она наклонилась, стоя перед ним. Ее грудь скользнула по его руке. Несмотря на боль, ощущение от этого прикосновения, подобно молнии, ударившей в землю, опустилось прямо в пах. Он не собирался расстегивать брюки. Хотя, если учесть, что их связывало, ее не должно было удивить его возбуждение.

Выпрямившись, она накинула ему на плечи одеяло, соединив спереди углы, чтобы он не стеснялся. Стеснительность не входила в число знакомых ему чувств. Чего, по-видимому, нельзя было сказать о ней. Значит, в темноте. Он овладевал ею в темноте. Почему она так смущалась? Он ее чем-то испугал тогда? Но ведь он много раз знакомил женщину с особенностями мужского тела и прекрасно знал, как это делается. Правда, уроки эти не заканчивались появлением орущего ребенка.

– Вам нужно снять брюки, – сказала она, отступая.

– Почему вы покраснели, Мерси? – спросил он. Имя ее прозвучало как-то странно, словно он никогда прежде его не произносил. Но такого не могло быть.

– Время позднее, – ответила она.

Что это – истинная причина или желание уйти от ответа? Ухаживая за ранеными, она наверняка видела много мужских тел.

Его попытка снять брюки и рейтузы, придерживая одеяло, не увенчалась успехом, тем более что ноги отказывались удерживать его вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.